

Журнал российского независимого
женского религиозного клуба „Мария”

2

Ленинград — Франкфурт-на-Майне
1982

МАРИЯ

Журнал российского, независимого женского
религиозного клуба «Мария»

1982

Ответственная за выпуск Ю.ВОЗНЕСЕНСКАЯ.

Письма о Польше

ПИСЬМО ИЗ ПОЛЬШИ В КЛУБ "МАРИЯ"

...Ты спрашиваешь, как это начиналось? Перебои с продуктами были всегда, но в 80-ом году положение стало особенно тяжелым. Уже в марте было очень трудно. С утра — в очередь. Стоять приходилось за мясом, маслом, колбасой, молоком, яйцами. Стоять часами. Многие занимали очередь с вечера. К июню многие продукты практически пропали. Функционеры питались в магазинах с повышенными ценами — примерно в два раза выше, чем в обычных магазинах. Люди покорно стояли в очередях, ждали подвоза продуктов. Друг другу выражали свое недовольство правительством, но громко не выступали. Никто в нашем маленьком городке не ожидал ничего, никаких серьезных перемен. Но когда началось выступление "Солидарности" — его поддержали все, весь город.

Я в это время была в отпуске в другой стране. О выступлении "Солидарности" услышала в июле, сразу же заторопилась домой. Я думала, что это будет так же, как в 70-ом, закончится подавлением. Все говорили, что это кончится немедленным подавлением, но все готовы были поддержать рабочих Гданьска и солидаризировались с ними на своих предприятиях.

Маленькие предприятия (на одном из таких работаю и я) не могли выступить с забастовкой, но и они поддерживали "Солидарность". Мы вывесили флаг. Шеф предприятия тоже был заодно с нами. Он не член партии, но были и члены партии, и они тоже проявили солидарность. Я не знаю никого, кто бы выступил тогда против.

А на предприятиях покрупнее были настоящие забастовки

Адрес: представительства клуба «Мария» в Германии:

© Klub «Maria»
Kaiserstraße 72/IV
6000 Frankfurt/Main 1

и в нашем городе. Но 3-4 дня рабочие не выходили с предприятия. На улицах стояли дежурные, которые смотрели за порядком и за тем, чтобы никто посторонний не проник на территорию предприятия. На улицу они не выходили. В 70-ом году рабочие вышли на улицу, и это была их ошибка.

Минимум не приближалась, не было попыток вернуться к бытовому. Местные отделения "Солидарности" имели информацию об общем ходе забастовочного движения, все забастовочные комитеты имели связь.

Что произошло самое сильное впечатление? Фильм Анджея Вайды "Рабочие 80". Это документальный фильм. Его сначала никто не хотел пускать на экран, но потом должны были уступить. В нашем городке его смотрели все. Особенный момент фильма — переговоры Валенсы с правительством. Вайда показал, как люди ждали результата этих переговоров, как старые рабочие плакали от радости, когда переговоры закончились победой Валенсы, как счастливые рабочие несли Валенсу на руках. Зрители смотрели с энтузиазмом, многие тоже плакали, глядя на экран.

События все в ожидании, но все думают, что будет лучше. Постепенно налаживается жизнь. Постепенно отбираются привилегии функционеров. В прессе появляются сообщения о конфискации нечестно нажитого имущества. Люди одобряют это.

С 1 апреля введены карточки на мясо и сахар. Теперь каждый думает, что он получит свою долю.

Ваши люди очень не любят Советский Союз. Вначале страх, что войдут советские танки, был очень силен. Теперь многие думают, что СССР не будет вмешиваться — Афганистан отвлекает, "Солидарность" теперь сильна и не покорится, стало ясно, что Вайда нас поддержит. Но тревога остается.

После знакомства с вами, я узнала, что лагерь есть по всей России, что есть такая вещь, как психотеррор. Многие не знают о массовости демократического сопротивления в вашей стране. И были в России и видела, что люди живут плохо, хуже, чем в Польше. И я, и мои знакомые видели, что ваши люди запуганы. И сама часто задавала вопрос: "Как в Союзе так долго терпят?" Теперь я знаю, что терпят не все, что есть даже женское сопротивление.

Женщина — человек не маленький, особенно в сумме, но слабый. Это поразительно, что так много женщин у вас участвуют

в общей борьбе. Теперь я знаю о разнице между понятиями "советский" и "русский", но надо, чтобы вы, участники сопротивления, и женщины в том числе, старались лучше донести это до Польши. В основном у нас не знают об отношении простых людей России к событиям в Польше.

Будущее? Мы пока смотрим в него оптимистически...

Твоя польская подруга.

Август 1981 г.

ОТВЕТ ИЗ КЛУБА "МАРИЯ"

Дорогая ... !

Не знаю, дойдет ли письмо — отправляю самым фантастическим образом.

О беде мы узнали уже 13 декабря. 14-го стали известны некоторые подробности. Позвонила в Ленинград, а там почти ничего не знали, но все были в страшной тревоге, готовились к "второй Чехословакии". Действительность оказалась намного страшнее и обиднее: сколько лет нас, русских, учит "родная" власть, а мы все еще не привыкли к беспределности ее коварства! да, танки на этот раз не советские...

На следующий день я приехала в Общество Прав Человека к одиннадцати утра, но к этому времени уже были отпечатаны листовки с призывом к немецким гражданам выйти в 5 часов вечера на митинг протеста. В Обществе звучало вавилонское смешение языков: польская, немецкая, венгерская, русская речь... Пришли все старые друзья, пришло много новых. Разобрали листовки и пошли по городу. Вечером митинг состоялся и был многочисленным даже сверх ожидания. Эта акция поддержки была только первой, с тех пор нет дня, чтобы не было что-то сделано для Польши.

Вот и сейчас: я строчу тебя письмо, а спиной у меня кипит работа — готовится очередная серия продуктовых посылок и посылок с медикаментами. Продукты покупаются не только на пожертвования членов Общества: многие слышали об этой акции и впервые пришли к нам, предложили деньги и свое участие в закупках, упаковке, отправке.

Все новые и новые польские друзья приходят к нам и сразу же активно включаются в помощь своим на родине. Проводятся совместные пресс-конференции, постоянно идут сообщения в печать, рассылается информация во все концы. Все дни наши стали польскими!

● Приехал на день Володя Буковский, чья книга тоже так попрашивалась. Подавлен был так, будто вчера у него посадили родного брата. Наверное, нам, русским на Западе, больше неск, кроме самих поляков.

А у поляков на лицах — беда и сосредоточенность. Многие и туристических поездках и события отрезали их от родины. Некоторые сразу попросили политического убежища — это пессимисты. Оптимисты просто продлили визы. Прогнозы самые разные. Самую гордую и уверенную в победе подружку и прозвала Несгинелой: "Доброе утро, Несгинела! Все будет хорошо, Несгинела!"

Мое отношение к происходящему можно выразить двумя противоположными понятиями: горечь и гордость. Случившееся не могло не случиться: без совместного и одновременного выступления всех угнетенных народов, и в первую очередь народов нашей страны, никто не освободится в одиночку. И все же это победа, может быть, первая крупная победа в ряду будущих, которые приведут к краху советского режима в метрополии, в колониях и в доминионах. Победа потому, что отлично построенная польская модель успешно действовала больше года (разгром лаборатории еще не говорит о провале эксперимента!).

Но все равно тяжело прощаться с мечтой, уже почти осуществленной.

Не все ваши страдания нам известны, в основном мы сострадаем почти слухам. Недавно мы провожали одну польскую пару. Молодые родители возвращались к своему годовалому ребенку, оставленному на время отпуска с бабушкой. Я перекрестила их на дорогу и просила передать друзьям в Польше то, что ты так хорошо уже усвоила — разницу между "советским" и "русским" отношением к событиям. Прошло вот уже три недели, а от них ни письма, ни записки, и к телефону никто не подходит...

Храни господь всех вас!

Твоя русская подруга.

Дорогой мой!

Помнишь наш последний разговор, когда я спрашивала, надолго ли ты уезжаешь? И наш последний телефонный разговор с невероятными планами на будущее? Тем временем ты стал эмигрантом, а я — "беглецом".

Юрек Зеленский через несколько часов после объявления военного положения выпрыгнул из окна больницы. В субботу были похороны — похоронили его, о ирония, возле Баротоша Янишевского (политический обозреватель польского телевидения) — и в похоронной процессии шла толпа гебистов.

Я тоскую по тебе, но рада, что ты в безопасности.

В ночь с 12-го на 13-е была огромная облава, там и сям выламывали двери. Взяли почти всех знакомых, а активистов "Солидарности" — до уровня председателей заводских комиссий больших предприятий. Правду говоря, кое-кто уцелел — например, я (случайно ночевала не дома). В списке "интернированных" около 350 человек из Варшавы, но это лишь малая часть.

Сегодня (понедельник — девятый день войны) я впервые видела, как людей выгоняли из автобусов, проверяли документы и перетряхивали вещи. До сих пор проверяли только: 1) машины (их все меньше, потому что бензин не продается); 2) после наступления комендантского часа; 3) в окрестностях тех мест, где, например, разбрасывали листовки, или вокруг больших предприятий. Сам понимаешь, как тогда было безопасно. И вот, увидев, что людей вытаскивают из автобусов, — я почувствовала, физически почувствовала, как съезживается моя безопасность. Бумаги у меня никуда не годные (печать "Солидарности" в паспорте), вещи подозрительные (например, полотенце, зубная щетка, смена белья). Первый раз я испытала такое — вроде приступа клаустрофобии, — когда объявили, что вообще нельзя свободно передвигаться по стране без пропуска. А вначале место жительства можно было покидать на 48 часов.

И вот, с камнем на сердце, я пошла к Х., где узнала, что визи отца и брата, брата выпустили, отца — нет. В связи с этим огромная к тебе просьба: НЕ ЗАБУДЬ О МОЕЙ ДОЧКЕ. Можно присылать продовольственные посылки. Дома меня двое суток дожидалась полиция. Маме, которая нянчит девочку, сказали, что могут отобрать ее и отправить в детдом.

Знаешь, я их просто ненавижу. А Юрека Дзешевского, а Книгу Ковальскую, которую взяли вместе с Сергеем, а их грудного ребенка отдали в детдом, а Людку Вуец, которую вырвали из рук рыдающего Павлика, а он кричит "Отца мне у меня забрали, оставьте хоть маму!" И за все в целом

Сверх того — сообщаю тебе самым официальным образом, что я антисоциалистка, строй мне не приноси и не наследуешь свергла бы его, по возможности насильственно. Вот такое у меня сейчас настроение.

А с дочкой я виделась в парке. Она спросила "Ты когда возьмешь меня домой?". Ну, я ей и сказала "После войны". Тоскую по ней, как собака. Прости, что в этом письме вместо информации плачусь в жилетку. Но, во-первых, и должна была это сделать. Во-вторых же, информация не полная, не проверена — мы только организуемся для серьезной работы над ней. В третьих, думаю, информация дойдет до тебя другими путями.

Теперь наши просьбы:

1. Добейтесь, чтобы сюда приехала комиссия Красного Креста или Амниста и проверила условия содержания интернированных (семьям не сообщают, где они, ни посылок, ни письма посылать нельзя; от выходящих мы знаем, что условия под Варшавой, в Бялоэнке для мужчин и в Ольшине для женщин, шлохое: голодно, холодно; теперь их начали упоминать неизвестно куда — будем надеяться, что не в Россию).

2. СТРАШНЫЙ ШУМ надо поднять об интернированных матерях: два варшавских детдома полны детьми, у которых забрали родителей.

3. Посылки во все известные вам места — голод наступает.

4. Собирайте деньги и подумайте — и тоже подумаю, куда их переслать.

Десятки людей сидят без работы, без карточек, скрываются. Взяли всю семью Ромашевских, кроме Ядэки и Мицеи — Гражи-ну, Литынских, Белинского, Гжесяка, Богуту и др. Адиси побили. Яна Юзефа Липского взяли с "Урсуса", где он произнес замечательную речь и они, несколько сот человек, закрылись в одном цеху, пока их не взяло силой ЗОМО (Штурмовые моторизованные отряды милиции). Анджея Целинского побили, потому что он с балкона в рупор предупредил чуть не весь микрорайон и многие благодаря ему спаслись. Судьба многих неизвестна. Дома

их нет — неизвестно, посадили их или они скрываются. Фамилии привела по памяти — списка нет под рукой.

Забастовки были везде — в Варшаве, пожалуй, меньше всего. Стояли наверняка: металлургические комбинаты им. Ленина и "Катовицы", Вроцлавский вагоностроительный завод, нефтехимические комбинаты в Плоцке и Пулавах, Познанский машиностроительный завод им. Цегельского, почти полностью Вроцлав, Краков, шахты, верфи, порты, завод автотранспортного оборудования в Свиднике, частично Лодзь. И везде один и тот же сценарий: атакует ЗОМО, поддержанное армией и десанниками. После подавления снова вспыхивают забастовки — на несколько часов, в нескольких цехах. Тлеют и, подавленные, вспыхивают через несколько дней. Вероятней всего, оборонятся несколько шахт в Силезии и некоторые цеха верфей в Гданьске и Щецине. Не перечисляю всех предприятий, о которых известно, что бастовали. Обрабатываем материал "для истории" После пяти лет вернулись в исходную точку. Если не хуже. С той лишь разницей, что люди, несмотря ни на что, — и это шлоды Августа — меньше боятся, и у меня всегда есть ночлег, еда и доброе слово.

Не забудьте о тех, кто сидит, и о тех, кто скрывается, и о семьях тех и других. РАССЧИТЫВАЕМ НА ВАШУ ПОМОЩЬ! Всех целую.

(Впервые в "Русской мысли" от 4 янв.1982 г.)

Телеграмма польским сестрам от российского независимого женского религиозного клуба "МАРИЯ"

ДОРОГИЕ ПОЛЬСКИЕ СЕСТРЫ! В ЭТИ ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ МЫ МОЛИМСЯ О ВАШЕЙ И НАШЕЙ СВОБОДЕ НАШЕЙ ОБЩЕЙ ЗАСТУПНИЦЕ, РАВНО ЧТИМОЙ ВСЕМИ ХРИСТИАНАМИ — БОЖЬЕЙ МАТЕРИ ЧЕНСТОХОВСКОЙ.

КЛУБ "МАРИЯ"

Международное Общество Защиты Прав Человека

Общество

- поддерживает людей, борющихся в тоталитарных странах за осуществление принципов Всеобщей декларации прав человека.
- оказывает материальную и правовую поддержку людям, лишенным свободы за их религиозные, общественные или политические убеждения.
- посредством различных публикаций информирует общественность Федеративной Республики Германии, Австрии и Швейцарии о борьбе за гражданские права в тоталитарных странах. Периодически публикует материалы САМИЗДАТА.

Председатель Общества прав человека Д-р Райнхард Гнаук,
зам. пред. И. Агзузов.

Немецкое Общество прав человека и имеет журнал

MENSCHENRECHTE

который имеет 6 выпусков в год по-немецки и публикует Документы о нарушении прав человека, судьбы преследуемых за свои убеждения и веру людей, а также обширную информацию о многих событиях, связанных с проблемами прав человека. Журнал публикует интервью с политическими деятелями и правозащитниками. В журнале всегда содержится информация о преследовании инакомыслящих в странах с тоталитарными режимами, публикуются резолюции и призывы, обращения и письма в защиту политзаключенных. Журнал всегда помещает множество фотографий. Стоимость одного выпуска 6 нем. марок. Годовая — 18 нем. марок. Подписчикам журнала высылаются приложения в виде специальных выпусков, листовок, обзоров немецкой прессы о правах человека.

Наш адрес:

Int. Gesellschaft für Menschenrechte e.V., Kaiserstr. Postfach 2965
6000 Frankfurt/M. - 1! Tel. (0611) 23 69 71 Bundesrepublik Deutschland

ЗЕМЛЯ В ОГНЕ

Клуб «Мария» против оккупации Афганистана

В конце декабря 1979 года советские граждане узнали об очередном международном преступлении, творимом советским правительством от имени нашего народа — об агрессии в Афганистане.

14 января 1980 года большая группа ленинградских ученых и членов "самиздатских" редакций выступила с протестом против вторжения советских войск в Афганистан. В числе подписавших этот документ были Татьяна Горичева, Юлия Вознесенская, Людмила Дмитриева и другие участницы женского движения, которых мы сегодня не можем назвать.

1 марта 1980 года, на учредительном заседании клуба "Мария", принимается его первый документ, обращенный к общественности — "Обращение к матерям". В этом документе мы разъясняли советским женщинам, что война в Афганистане является необъявленной, бандитской, а потому призывник, отказавшийся от несения воинской обязанности в бандитской армии, карается не по законам военного времени — расстрелом, а получает по суду приговор — лишение свободы до трех лет. Мы рассказали советским матерям, какие страшные потери несут в Афганистане советские войска под натиском повстанцев, и призвали их спасти своих сыновей, предпочесть для них почетное тюремное заключение взамен позорной смерти на чужой земле. Матери, члены клуба "Мария", личным примером показали ленинградским женщинам, что это не пустые слова и лозунги: наши матери своих сыновей на службу в бандитскую армию не отпустили.

Большую помощь в работе нашего клуба оказали нам молодые ленинградские диссиденты (16 — 19 лет), которые занимались регулярным опросом солдат, вернувшихся из Афганистана. Эти сведения, распространяемые клубом "Мария", сыграли какую-то роль, пусть даже небольшую, в формировании отношения ленинградцев к событиям в Афганистане.

Во второй половине мая мы узнали о жестокой расправе над мирной демонстрацией школьников в Кабуле. Это известие потрясло наших женщин, и они немедленно откликнулись "Письмом к афганским женщинам". Вот текст этого письма:

Дорогие сестры!

От имени всех женщин нашей страны, ненавидящих войну, насилие и несправедливость, мы приветствуем вас, наших отважных подруг по борьбе.

Та решающая роль, которую сыграли афганские девушки во время недавних демонстраций протеста против советской оккупации, еще раз открыла всему миру глаза на то, что в наше время женщины становятся самыми решительными и бескомпромиссными борцами за справедливость.

Именно в женщинах, угнетенных и попираемых веками, мир ныне видит надежду на избавление от сил зла.

Обнимаем вас и гордимся вами!

Клуб "МАРИЯ".

Месяц проходил за месяцем, людская кровь продолжала литься, а редкие выступления отважившихся на родине и робкие протесты равнодушного Запада почти ничуть не влияли на наглого агрессора. Тысячи похоронок получили из Афганистана русские матери, но слезы их не были видны миру.

19 июля клуб "МАРИЯ" выступил с новым протестом:

ПРЕКРАТИТЬ КРОВОПРОЛИТИЕ!

Мы, женщины новой России, требуем вывода всех родов советских войск с территории оккупированного Афганистана.

Прекратите убийства и надругательства над мирными жителями чужой страны!

Перестаньте посылать на позорную смерть наших мужей и сыновей!

Нам стыдно слушать циничную ложь, которой правительство нашей страны пытается прикрыть ужасную правду об Афганистане.

Нам стыдно принадлежать к народу, от имени которого творятся столь чудовищные злодеяния, от имени которого попирается честь и свобода других народов.

Клуб "МАРИЯ".

В сентябре 1980 года наши зарубежные представительницы во Франкфурте-на-Майне познакомилась и подружилась с афганскими политическими беженцами, нашедшими приют в Западной Германии. Они рассказали им об отношении простых людей в Советском Союзе к событиям в Афганистане: что большая часть советских граждан обманута лживой пропагандой советской прессы, но многие граждане знают правду и считают для себя делом чести бороться за прекращение кровопролития в Афганистане. Афганцы же рассказали нашим женщинам об ужасах советской оккупации.

Сегодня мы публикуем материалы, которые помогут нашим читательницам воссоздать более полную картину афганской трагедии.

По просьбе наших афганских друзей мы не называем имена авторов рассказов об Афганистане, т.к. это может повредить их родственникам, оставшимся на родине.

Редакция.

«Братская помощь»

Афганистан — сердце Азии, и сегодня это сердце бьется в неравной борьбе.

Долгие десятилетия советский империализм носил маску друга и защитника колониальных и зависимых народов. Но вот маска сорвана, и весь мир увидел подлинное лицо "старшего брата", лицо бандита, убийцы и грабителя.

Тридцать лет моя родина находилась под политическим и экономическим гнетом Советского Союза. Вся экономика Афганистана контролировалась и направлялась Москвой исключительно в своих целях, в результате чего страна беднела и теряла свою самостоятельность. Эффект "помощи" Советского Союза можно сравнить с эффектом разрастания раковой опухоли в здоровом организме.

Вслед за экономикой всегда шла политика. Так, при осуществлении различных проектов при строительстве промышленных предприятий искусственно раздувались штаты специалистов и рабочих. Вместо четырех-пяти действительно необходимых консультантов на строительные объекты засыпалось двадцать-тридцать специалистов. Кроме того, в Афганистан командировались советские граждане тех специальностей, спрос на которые легко можно было бы удовлетворить на месте. Из Советского Со

юза прибавили на работу шоферы, трактористы, бульдозеристы. С ними выезжали их семьи, дети, за ними учителя на преподавание в русских школах, медицинский персонал, продавцы в специализированные советские магазины, киномеханики и клубные работники для организации отдыха в зонах проживания советских граждан. Для них строились специальные дома и целые кварталы — и все за счет афганского народа. При этом афганцы часто не могли найти себе работу, особенно специалисты, поскольку на крупных предприятиях все места были заняты советскими гражданами. Таким образом искусственно понижалось число советских граждан в Афганистане, что давало советскому КГБ возможность засылать под видом необходимых специалистов большое количество своих сотрудников. Все советские граждане, командированные в Афганистан, проходили специальную предварительную подготовку и должны были, помимо исполнения своих прямых служебных обязанностей, заниматься в Афганистане коммунистической пропагандой.

Особое внимание СССР уделял афганским вооруженным силам. Вся армия Афганистана была инфильтрована советскими военными советниками, ее вооружение и подготовка военных кадров были полностью взяты под контроль. Все эти меры позволили Советскому Союзу сдерживать рост национального самосознания афганского народа и готовить почву для присоединения Афганистана к коммунистическому блоку. Сегодня дальние тайные планы Москвы стали явными и ни у кого не вызывают сомнения.

С целью захвата всей полноты экономического и политического влияния в Афганистане в 1973 году был организован дворцовый переворот: на место ставшего негодным Москве Заир-Шаха был посажен Дауд-Шах. Некоторое время эта политическая марионетка послушно плясала под музыку своего кремлевского хозяина. Бандой Дауд-Шаха уничтожены лучшие представители афганского народа, оппозиционеры, озабоченные все возрастающим влиянием СССР. Когда же Советский Союз стал недоволен Дауд-Шахом, на смену ему были подобраны новые исполнители воли Кремля.

Брежневские ставленники Тараки, Амина и Бабрака через пропагандистские громкоговорители и с помощью танков пытались представить "верными сынами афганского народа", его

пождыми, изобразить послушных кукол самостоятельными политическими деятелями. Но афганские патриоты достаточно хорошо знают этих людей и считают их не "сынами афганского народа", а кремлевскими политическими убудюками.

Предатели боролись между собой за власть и за покровительство Кремля. В результате Амин сменил Тараки, а на место Тараки явился из Москвы поддерживаемый сотысячной армией агрессора Кармаль Бабрак. Народ Афганистана ненавидит этих предателей. Вся шайка Парчам-Халк составляет не более 10 тысяч и представлять волю семнадцатимиллионного народа она не может и не имеет права.

Я расскажу несколько эпизодов советско-фашистской агрессии в Афганистане.

Вечером 25 декабря 1979 года сумеречное небо над Кабулом наполнилось непрерывным гулом советских военно-транспортных самолетов. Гул этот сверлил уши и вселял в кабульцев страх и тревогу. Никто не понимал, что происходит, но почти никто не спал.

Утром я отправился на службу в служебной машине с несколькими сослуживцами. Место нашей работы находилось неподалеку от аэропорта. Проезжая мимо него, мы увидели, что все летное поле и взлетные полосы были черны от массы советских самолетов, военной техники и солдат. Я сразу же понял смысл этой картины, и я не смог сдержать слез. Они появляются у меня и сейчас, когда я вспоминаю об этом зрелище.

27 декабря, вечером, жители Кабула слышали на улицах столицы выстрелы танковых орудий, автоматные очереди. Стрельба продолжалась до утра. Кабульцы радовались, думая, что это повстанцы пошли на врага. Вечером по радио было передано сообщение о свержении Амина и об избрании президентом республики Кармаля Бабрака. Передавали речь нового президента самолета. Передавали из-за границы.

Утром на улицах не было никаких следов сражения. Зато кабульцы увидели только что прибывших советских солдат. Их лица были измученными, растерянными и у многих вылились жалость, особенно у женщин. Но многие открыто возмущались и посылали им проклятья.

Я слушал в толпе разговоры женщин:

Почему они отпускают своих сыновей убивать наших детей и женщин?

Ранее они не знают, что сыновья вернутся к ним только в гробах?

Потом они будут лить слезы! Почему они не плакали, когда отпускали их сюда?

Одной такой женщине я сказал:

Страшно быть матерью в советской стране: они даже не знают, куда посылают их сыновей, а потом не узнают и где их могилы, в какой земле их похоронят.

Я владею русским языком неплохо и потому подошел к солдатам и задал одному из них вопрос:

Солдат! Ты знаешь, где ты находишься, куда тебя привезли?

В первый момент он растерялся, услышав русскую речь, он озадаченно молчал. Я повторил свой вопрос, улыбнувшись. Тогда он тоже заулыбался и ответил:

— Сначала мы думали, что нас везут во Вьетнам или на Кубу. Но когда самолет приземлился, мы прочли надпись "Кабул" на английском языке и все поняли.

Молодежь из азиатских республик Советского Союза не хотела воевать против своих мусульманских братьев. Она на своем опыте хорошо знала, что приносит господство СССР другим народам. По этой причине некоторые солдаты из азиатских республик переходили на сторону повстанцев. Были даже стычки внутри советских войск. Вскоре солдат из мусульманских республик отправили на родину, заменив их русскими, украинцами, прибалтийцами.

Зато у солдат всех национальностей завязались совершенно не предусмотренные властями отношения с местным населением. Прошлой зимой, в связи с тем, что дороги в Кабул и другие города были перекрыты повстанцами и на них шли бои, во многих местах жители испытывали острый недостаток топлива. Стоимость его возросла в 4 — 5 раз. У советских же солдат была острая нужда в продовольствии, сигаретах и многих предметах первой необходимости. Население оккупированных городов завладело с советскими солдатами своеобразный товарообмен: подростки приносили в советские части продукты, сигареты,

апельсины, жевательную резинку, а взамен получали дизельное топливо, которым афганцы отапливали свои жилища, теплые перчатки и шапки, разного рода технический инструмент, а главное — патроны, пистолеты и даже автоматы.

Об этой "торговле" прознало начальство и быстро сообразило, что она выгодна в первую очередь повстанцам. Стали принимать меры.

В крепости Боло-Хесар в Кабуле, где расположилась советская часть, произошел такой трагический случай. Солдаты установили постоянный обмен с населением через местных мальчишек: в определенный час солдаты и подростки встречались в условном месте и передавали друг другу "товар". Однажды какой-то солдат поджидал знакомых подростков и вдруг заметил, что за ними следит советский офицер. Солдат стал махать мальчишкам рукой, предупреждая их об опасности, но они не повили и побежали к нему, думая, что он подымет их. Тогда солдат выстрелил в воздух, чтобы остановить их. Подростки повили и бросились бежать. Но офицер, отправившись выслеживать афганских ребяташек, прихватил с собой автомат. Он тут же дал очередь в спину убегающим подросткам. Трое из них были убиты, несколько ранено, остальные убежали.

С этого момента солдатам было строжайше запрещено заводить контакты с населением, которые раньше всячески поощрялись из идеологических соображений. Но тайная торговля продолжается, только обе стороны стали осторожнее.

Есть у советских солдат и другой способ самоснабжения продовольствием и промышленными товарами. Если при Амине и Тараки улицы в ночное время патрулировались афганскими солдатами, то при Бабраке ночными хозяевами города стали советские солдаты и офицеры. Начались ночные грабежи магазинов.

Самым безобразным примером мародерства был случай ограбления крупного торгового центра в Кабуле. Ночью солдаты ворвались в торговый центр на автомашинах, разграбили магазины, а чтобы скрыть следы преступления — устроили огромный пожар.

Еще большее возмущение у афганцев вызвали многочисленные случаи изнасилования афганок советскими солдатами. В результате гневных протестов населения советское командование приняло "экстренные меры": в Афганистан неожиданно прибыло большое число советских женщин-военнослужащих.

Официальные власти все прошлые репрессии против афганско-

го народа списывают сейчас на предшественников Бабрака. Ведется политика запугивания с общественным мнением, об убийствах и массовых арестах говорится только в прошедшем времени. Но, списывая преступления только на Амина и Тараки, ставленники Москвы тем самым признаются и собственной преступной деятельности. По официальным данным число погибших от банд Тараки и Амина достигает 100 тысяч. О числе сегодняшних жертв не говорится ни слова ни в печати, ни по радио. Но злодеяния агрессора происходят на глазах у всего народа, скрыть их невозможно, и они вызывают все большее возмущение патриотов. Сопротивление повстанцев достигло такой силы, что им охвачено большинство районов страны. В ответ агрессор начал методическую бомбардировку городов, крупных деревень, топя их и огнем. Это вызвало массовое бегство населения из обстреливаемых районов. Из семнадцатимиллионного населения Афганистана почти два миллиона оказались на положении беженцев, большинство — в Пакистане. Люди, вынужденные покинуть свою родину, находятся в чрезвычайно бедственном положении. Живут они во временных лагерях, в палатках. Летом недостаток воды и пищи вызывает высокую смертность среди стариков и детей. Зимой люди погибают от холода. Идет еще одна суровая пакистанская зима, а у людей нет теплой одежды, нет продовольствия, медикаментов. Страшно подумать, как они переживут еще одну зиму в таких первобытных условиях...

На глазах у всех государств мира маленький народ, истекая кровью, героически сражается с великой державой. Правительства всех стран спокойно созерцают эту неравную битву. Афганистан просит помощи, и это святое право маленького народа — просить помощи у мира. Но помощи почти нет...

Чем вооружены повстанцы, одерживающие одну победу за другой? Допотопными ружьями, которыми в силу традиции владеет почти все мужское население Афганистана. Многие ружья служили еще нашим дедам в их борьбе против английских колонизаторов. Часто устаревшие ружья переделываются руками умельцев. Афганские мастера исхитрились даже трофейные автоматы Калашникова переделывать для стрельбы на дальние расстояния — за счет удлинения ствола. Применяется самодельное оружие — бомбы, гранаты из бутылок, всякого рода холодное оружие. Многие части регулярной армии перешли на сторону

повстанцев со своим и захваченным у советских солдат оружием. Но всего этого недостаточно для ведения успешной борьбы с вооруженным самой новейшей техникой массового уничтожения противником. В первую очередь требуется зенитное и противотанковое оружие, а его нет...

Я рассказал очень немного о трудных и героических днях моего народа. Но я со всей уверенностью хочу сказать, что наш народ будет воевать до последней капли крови, до полного освобождения своей горячо любимой родины.

Советский Союз нацелился проглотить Афганистан, но афганский народ отрубит руку агрессора, прежде чем он успеет донести ее до рта!

Апрельские демонстрации 1980 года в Кабуле

Рассказ очевидца

В годовщину убийства Дауда, 26 апреля 1980 года в Кабуле начались массовые демонстрации протеста, продолжавшиеся 4 дня.

Выступления начали школьники средней школы Хабибия. Протестуя против советского вторжения, они забросали камнями советские автомобили, в которых ехали официальные лица. За этой акцией последовала демонстрация всей школы. Дети были обстреляны с вертолетов, советских. Было много убитых.

Школьники всего Кабула хоронили своих товарищей и подруг — среди убитых были и девочки. Из разных школ, со всех концов города к центру стекались ручейки юных демонстрантов. Юноши и девушки несли плакаты и лозунги: "Русские фашисты, уходите из нашей страны!", "Смерть Бабраку!", "Смерть Брежневу!", "Смерть коммунистам!", "Русские солдаты, убивайтесь домой!".

Против школьников были высланы советские и афганские войска, танками загородили улицы по которым двигалась демонстрация,

Школьницы старших классов вышли вперед и закричали афганским солдатам: "Отдайте нам ваши автоматы! Наденьте шарфику и сидите дома, если вы не можете воевать с врагом! У нас нет гордости, если вы хотите в нас стрелять, вместо того чтобы защищать!"

Одна девушка выхватила автомат у афганского солдата: "Я лучше тебя сумею им воспользоваться!" Афганские солдаты пристязжено молчали, а затем, несмотря на приказ, отказались стрелять по демонстрантам. Советские солдаты открыли стрельбу. Тогда толпа (к демонстрантам-школьниками уже присоединились и взрослые) начала бросать в них камни, многие выламывали растущие вдоль улиц деревья, шли на танки с кольями. Советские солдаты открыли огонь из автоматов. Сразу же было убито несколько девушек в первых рядах.

Оккупантам было приказано всех раненых подобрать и увезти в советские госпитали, а убитых — убрать, не отдавать родным. Солдаты хватили раненных школьников и насильно затаскивали их в машины.

Одна девушка, получившая тяжелое огнестрельное ранение, просила подруг не отдавать ее: "Я не хочу, чтобы меня лечили советские врачи!" Подруги понесли ее к дому на руках. По дороге ей становилось все хуже и хуже, но она продолжала твердить, что не хочет в русскую больницу. На руках подруг она и скончалась.

После четырехдневных демонстраций власти начали аресты ее участников, названных "агентами ЦРУ и Китая". 620 юношей и девушек было арестовано.

От пуль агрессора погибло 7 девушек и 64 юноши, ранено около 300 школьников и студентов. Невероятная жестокость агрессора еще раз проявилась в расправе над беззащитными.

Положение женщины в Афганистане

Советская пропаганда, оправдывая агрессию в Афганистане, часто говорит о том, что советское вмешательство во внутренние дела этой страны якобы несет свободу афганскому народу, в том числе и афганской женщине, рабыне предрассудков Ислама.

На самом деле вопрос об освобождении афганских женщин из-под гнета отживших традиций поставлен передовыми гражданами страны очень давно, и первые шаги в этом направлении были сделаны задолго до советского вторжения и даже до вмешательства северного соседа в дела Афганистана.

В 1919 году король Афганистана Аманулла-Хан призвал жителей страны, в первую очередь кабульцев, снять паранжу со своих женщин. Надо сказать, что в большинстве провинций паранжу и не носили, так как она мешала сельской жительнице в ее работе на полях. В столице и в больших городах женщины с радостью последовали призыву Амануллы-Хана. И хотя паранжу кое-где носят до сих пор, но, конечно, вмешательство чужестранных "эмансипаторов" не может ускорить отказа от этой традиции там, где она еще жива: для этого требуется достичь определенного уровня культуры и образования, гражданского самосознания как женщин, так и мужчин. Навряд ли иностранная агрессия способствует росту этих факторов.

Аманулла-Хан, опиравшийся в своих преобразованиях на прогрессивную часть страны, в первую очередь на интеллигенцию, очень хорошо понимал, что одними декретами делу не поможешь. Под его руководством в стране всерьез проинтендировалась необходимость всеобщего образования, как для мужчин, так и для женщин. В городах было открыто множество школ. Проводилась агитация за образование девочек. Оно было доступно всем желающим, так как проходило на государственном счете. Тех, кто успешно заканчивал среднюю школу и хотел учиться дальше, отправляли учиться за границу, пока в стране еще не было своих высших учебных заведений. Первую группу пожелавших получить высшее образование девушек отправили за счет государства в Турцию. Девушки учились на медицинских и педагогических факультетах — стране не хватало учителей и медиков.

Это был большой шаг по пути раскрепощения женщины, поскольку и среди мужчин образование еще только-только вступало в свои права. Надо сказать, что женских школ в те годы было очень много, особенно в крупных городах.

Передовые люди страны понимали, что мусульманские традиции не должны приходиться в резкое столкновение с прогрессом, потому они были сторонниками постепенных преобразований, эволюции общественного сознания, а не революции.

К сожалению, преемники Аманулла-Хана не были столь активными приверженцами женской эмансипации, и процесс раскрепощения женщины от предрассудков замедлился после его смерти.

Приведу несколько примеров из жизни моей семьи, типичной городской семьи афганцев. Вы слышали наверняка, что в странах Ислама распространен унижающий женщину обычай выкупа невесты — калым. Так вот, не только за мою мать, но и за мою бабушку жених не платил калыма. Правда, замуж ее выдавали родители, сговор состоялся без ее участия.

А вот моя мама была хорошо знакома со своим женихом, моим будущим отцом, задолго до свадьбы, знала всю его семью, поэтому дала свое согласие, когда родители ее об этом спросили. Но если бы она его не дала — брак уже не состоялся бы. В провинциях же и по сию пору кое-где согласия невесты не требуется.

Но повторяю: освободить афганскую женщину может только естественный прогресс, а не эмансипация с оружием в руках. Не думаю, что разруха и голод, смерть и кровь на каждом шагу этому способствуют.

До замужества все девушки в городах и в крупных поселках учатся в школе, некоторые потом поступают в высшие учебные заведения. Все университеты и институты открыты для женщин так же, как и для мужчин.

В нашей стране больше всего девушек учатся на медицинских и педагогических курсах, на факультетах искусств, изучают иностранные языки.

Выйдя замуж, женщины в большинстве продолжают работу по специальности, работают в самых различных областях хозяйства и культуры.

Женщине практически открыт доступ во все сферы жизни. Еще при Заир-Шахе было введено всеобщее избирательное право, общее для мужчин и для женщин. Женщины начали управлять

и государством. Популярна в народе Кобра Нураи, министр здравоохранения и министр-советника. Были женщины члены Парламента, и работали они очень активно. В частности, коммунистка Шахита, теперь первая жена Бабрака. Другой активный член Парламента Масуми Вардак.

При Аманулла-Хане иранцы приезжали на праздники в Кабул и были очень огорчены отсталостью своей страны, видя прогресс, видя счастливых людей, видя женщин без паранжи. Они смотрели на Афганистан, как на европейскую страну.

Если бы не долгие годы советского вмешательства, этот прогресс двигался бы намного более быстрыми темпами, поскольку он шел по воле самого афганского народа, был движим истинными силами.

Коммунистическое «Освобождение» афганской женщины

Для того, чтобы отвлечь афганскую женщину от освободительной борьбы, чтобы свернуть ее с прямой дороги, ставленники Брежнева издали в Афганистане так называемый Седьмой декрет о свободе и равноправии женщины. Что же конкретно даровал он нам, афганкам?

Свободу образования? Мы имели ее издавна и пользовались ею. Избирательное право? Было введено 30 лет тому назад. Что же еще?

Единственный пункт декрета, имеющий какое-то реальное значение — это отмена выкупа за невесту. Действительно, за невесту все еще платят во многих провинциях и даже в городах Афганистана. Этот обычай унижает женщину, его устранение носит безусловно положительный характер. Беда для женщины лишь в том, что к отмене этого тысячелетнего обычая не была проведена соответствующая подготовка, как это делалось перед введением новшеств раньше. Это вызвало у многих реакционеров резко отрицательную реакцию, между прочим, даже у молодых женщин. "Теперь нам всем одна цена — 300 афгани!" гонорили они. 300 афгани — это государственная пошлина, которую по закону Седьмого декрета теперь должны платить жених и невеста государству за заключение гражданского брака.

На основании Седьмого декрета была создана Народная организация женщин, призванная освободить женщину от пережитков Ислама. Цель благородная и нужная всем нам, женщинам. Но почему-то вскоре афганцы заметили, что женщины из этой организации особым образом связаны с органами государственной власти, такими как АКСА, КАМ и ХАД (Организации аналогичные советскому КГБ. — Ред.). "Организации инсек и доносчиц" — вот как именуют Народную организацию женщин в Афганистане.

Какую же свободу принес женщинам нашей страны новый режим?

Спекулируя "женской свободой", солдаты и офицеры коммунистической армии врываются в дома, где живут девушки и молодые женщины и под угрозой оружием забирают их на свои собрания, где заставляют петь и танцевать — для развлечения хозяев. Часто их принуждают под угрозой применения оружия к вступлению в половую связь. Тех же, кто противится и возмущается бандитским поведением коммунистов, обвиняют в попытке "помешать освобождению афганских женщин от предрассудков".

Политическая неразбериха и советская агрессия вызвали в стране небывалый рост проституции. Не только голод и потеря семьи толкает женщин на этот путь, часто они вступают на него не по своей воле.

Былое уважение к женщине коммунисты сменили на самое циничное. Понятие "свободная женщина" для коммуниста значит "доступная женщина". Причем, доступная даже вопреки своей личной свободе. В военно-медицинском госпитале в Кабуле на ночных дежурствах сержанты и офицеры насильничали медсестер — тех, которые лечили их, ухаживали за ними!

А вот история одной женщины из района Чехел-Сутун. Ее муж был офицером в армии Тараки и служил на полигоне, где расстреливали патриотов. Он не захотел быть заодно с предателями и выступил в защиту патриотов... Однажды утром к дому, где жила его семья, подъехал "джип" с афганскими офицерами. Жена патриота вышла на крыльцо. Сержант протянул ей мешок со словами: "Вот тебе подарок от твоего мужа!" Женщина хотела унести мешок в дом, но он оказался для нее слишком тяжел, и она развязала его прямо на крыльце. Внутри она увидела еще один мешок, пластиковый, а в нем — голову мужа и разрубленное на части тело.

"Тараки! — В ужасе закричала несчастная женщина, Дай мне Аллах увидеть так и твою голову!"

На ее крик сбежались соседи. Большая толпа собралась на крышах домов. Видя это, сержант попытался заставить женщину замолчать, но она продолжала рыдать и посылать проклятия убийцам мужа. Тогда сержант скомандовал: "Чего мы смотрим? Огонь!"

Грянула автоматная очередь, и женщина упала на крыльце своего дома рядом с трупом мужа.

Трое детей выбежали из дома, увидели окровавленную мать и с плачем бросились к ней. Сержант скомандовал еще раз и трое детей упали рядом с матерью. Убийцы сразу же сели в "джип" и уехали. Так среди белого дня, на глазах у десятков людей погибла вся семья.

Свирепо расправляются коммунисты с женами повстанцев в сопротивляющихся районах. Амин говорил: "Идите и убивайте. Головы мужчин вы принесете нам, женщин и имущество можете взять себе." В Дари-Суфи (провинция Саманган) правительственные и советские войска уничтожили много женщин, жен и родственниц повстанцев, зверски издеваясь над ними перед расстрелом.

Издевательства над женщинами часто используются в качестве методов давления на патриотов при допросах. В одной из следовательских камер одновременно допрашивали нескольких повстанцев. Один из них держался особенно твердо. Тогда, чтобы вырвать у него признание, в камеру доставили его жену.

"Сейчас ты все скажешь!" — Пообещал офицер-следователь. Для начала он дулом пистолета приподнял подол платья женщины. Мужчины-арестанты отвернулись и закрыли глаза. Но патриот продолжал молчать. Тогда следователь приказал раздеть женщину и приставил пистолет к ее животу... Больше муж уже не мог выдержать: он с голыми руками бросился на мучителя, чтобы задушить его. Тот успел выстрелить и убил мужа на глазах у несчастной женщины.

Сейчас власти пытаются представить дело так, как будто только Амин и Тараки вели антинародную политику. Бабрак не скупится в раскрытии преступлений своих предшественников. Стали известны подробности страшных пыток, которым подвергали женщин в тюрьме Полечархи.

Условия в этой тюрьме ужасны. В камеру на 5 человек загоня-

рах не было ни водопровода, ни туалета. Только раз в сутки женщин с детьми выводили в туалет, всех в одно время. Арестантки выстраивались в длинную очередь, но за отведенное время только десятая часть их могла воспользоваться туалетом. В камерах пользовались целлофановыми мешками, и мешки эти находились тут же до следующего выхода в туалет. Можно представить себе, каким воздухом дышали женщины и дети! А в неуточное время в туалет можно было пойти только за деньги. Даже одно пребывание в этой тюрьме можно было считать пыткой, а ведь были еще и настоящие пытки.

Подсчитано, что пытки в тюрьме Панджарки приводили к смерти в среднем в течение двух недель, но многие погибали и раньше. Многие инструменты для пыток были советского производства: например, приспособления для пытки электрическим током. Концы оголенных проводов соединили с инаком, сосками груди, половыми органами женщин, а потом по ним проводам пропускали ток, постепенно повышая напряжение.

Но были пытки и "местного изобретения". Женщинам ставили клизму с красным перцем, заталкивали в половые органы горячие вареные яйца и электрические лампочки, которые потом разбивались металлическим стержнем. Истекли кровью, женщины погибали мучительной смертью.

Палачи изощрялись в изобретении все новых и новых пыток, они были постоянно пьяны — их специально снабжали спиртным в неограниченных количествах.

Сейчас нам говорят, что пытки были в ходу только при Амине. Предположим, что это действительно так. Но разве и тогда эти преступления совершались не во имя революции, не во имя "коммунистического освобождения женщины"?

Наши героини

В Кабуле жил человек по имени Абдулла. У него была невеста Захра. Уже давно было назначено бракосочетание Абдуллы и Захры, и совпало время свадьбы со временем подъема освободительной борьбы против англичан.

В Афганистане есть обычай: перед свадьбой невеста и жених красят друг другу руки хной. Когда Абдулла хотел наложить печать хны на руку любимой невесты, Захра сказала ему: "Мы справляем свадьбу, а все наши мужчины сейчас сражаются за свободу родины." Услышав этот упрек, Абдулла поклялся, что свадьбы не будет до тех пор, пока все англичане не будут изгнаны с афганской земли. Он взял ружье и ушел к борцам за свободу... А на следующий день его принесли убитым. Захра поцеловала руку мертвого жениха, на которой стояла свадебная печать хны, взяла его ружье и ушла к партизанам в горы.

Это легенда. Но она родилась потому, что велико было участие афганских женщин в колониальных освободительных войнах. Они морально поддерживали мужчин, доставляли партизанам продукты, лекарства, одежду, лечили раненых. Многие сами участвовали в боях наравне с мужчинами. Золотом вписаны в историю Афганистана имена Малалай, Биби Махры, Рабеи Балхи, Айаши Дурани и многих, многих других афганок, сражавшихся под знаменем свободы.

С самого начала установления фашистского режима Амина-Тараки-Бабрака растет освободительное движение в стране. Девушки и женщины, рискуя свободой и жизнью, идут к повстанцам, как когда-то их матери и бабушки, несут оружие, лекарства, еду, ухаживают за ранеными. В районах, где власть принадлежит повстанцам, они несут охрану домов и деревень с оружием в руках. В Герате женщины принимали участие в боях наравне с мужчинами.

У повстанцев почти нет противотанкового оружия, но афганки выходят на бой и против танков, вооруженные одной лишь ненавистью к врагу да природной женской смекалкой.

В районе Вардака остановилось танковое подразделение, советские солдаты готовились к наступлению на повстанцев. Женщины решили сорвать это наступление. Ночью они пропитали одеяла бензином, подкрались к танкам, сбросили на них одеяла и подожгли. Все танки были уничтожены.

В Орозгане перед боем женщины сбросили грязью смотровые щели советских танков: это облегчило повстанцам сражение, так как водители-танкисты были лишены возможности хорошо ориентироваться на местности.

В провинции Бамян, где почти совсем не осталось мужчин, женщины-вдовы совершили героический подвиг. Танковая колонна русских остановилась на пути к деревенскому источнику. Каждый день афганки с кувшинами на плече проходили мимо советских солдат. Они заговаривали с ними, весело отвечали на грубые солдатские шутки. Солдаты привыкли к ним и утратили бдительность. Однажды они привычной перепиской шли к источнику, только на этот раз в кувшинах был бензин, а у женщин были с собой зажигалки. Они подошли к танкам, каждая встала возле одного из них. По команде старшей все одновременно выплеснули бензин на машины врагов и подожгли их. Все танки сгорели. Конечно, женщины поплатились за этот подвиг своими жизнями.

В этой же провинции, где осталось очень мало повстанцев-мужчин, женщины и девушки заменили погибших. Некоторые сражаются с оружием своих убитых родных, а другие мастерят себе оружие сами. Женщины изобрели своеобразные копья: палки, к которым привязаны остро отточенные половинки ножниц. В этой провинции женщины даже возглавляют повстанческие отряды.

В другой провинции советские солдаты пришли в небольшую деревню горцев, когда там не было мужчин. Женщины сделали вид, что они очень рады гостям. Они пригласили их в один дом, приготовили чай, а потом, когда солдаты увлеклись чаепитием, неожиданно вошли в комнату с ружьями своих мужей и расстреляли их в упор. Когда мужчины вернулись в деревню, женщины встретили их словами: "А мы вам приготовили подарки!". Они ввели своих мужчин в дом, где происходило чаепитие, и показали трупы поверженных врагов.

Афганский народ гордится своими героинями, и мы уверены, что после освобождения родины им будет поставлен памятник.

Кровь, о которой запрещено говорить

В одном из провинциальных городков СССР, в актовом зале местной школы стоят 17 цинковых гробов. Над ними кумачевая лента с надписью "Пал при исполнении интернационального долга". Почетный караул из двух пионеров. В гробах — вчерашние десятиклассники, брошенные заботливой рукой правительства в кровавое месиво афганской авантюры...

Нам известно только об одном случае отдания последних почестей советским солдатам, павшим в этой войне. Прочие погибшие в Афганистане умирают "по секрету". С недавнего времени не везут и цинковые гробы с телами убитых, которые в народе с мрачным юмором называют "афганскими консервами". Павших хоронят в братских могилах на месте.

Матерей погибших сразу же после вручения "похоронки" зачастую вызывают в КГБ, где им вежливо втолковывают, что распространяться о случившемся не стоит, "а то сами понимаете, что может случиться..." Советские газеты не приводят также списки награжденных (если таковые имеются) или просто отличившихся в этой колониальной войне.

И все же солдаты из Афганистана возвращаются, — кто на лечение, кого демобилизуют, — и прикрыть этот источник информации не так-то просто.

О применении в Афганистане химического оружия мы узнали в середине февраля 1980 года. Несколько советских солдат пришло в Ленинград для лечения химических ожогов, полученных во время газовой атаки на повстанцев. Защитные костюмы у ребят оказались непрочными (халтура, дело обычное!).

Офицеры, помнящие Отечественную войну, говорят: "Тогда хоть линия фронта была: мы по эту сторону, немцы — по ту. А повстанцы — они везде, не знаешь откуда пулю ждать." Те же, кто участвовал в чехословацкой интервенции, только головами качают: "Да, это вам не Чехословакия..."

В своих боевых действиях лишённые тяжелого оружия повстанцы опираются прежде всего на снайперскую стрельбу. Спрятанный на пути следования советского отряда партизан берет

на прицел офицера, отличая его от солдат по погонам. Офицеры норовят перед выходом плащ поверх погон накинуть, да только повстанца рудно обмануть.

Бывает, что берут партизаны пленных. Расстреливаются главным образом с офицерами, причем жестоко отрывают им конечности и перетягивают жгутами, чтобы свои потом подобрали. Целые палаты в военном госпитале в Душанбе забиты этими искалеченными людьми. Они не хотят жить, но их лечат.

Из разговора с двумя солдатами, пернувшими из разных афганских провинций, удалось выяснить, что иногда афганцы, зверски расправившись с попавшими в плен офицерами, отпускали простых солдат невредимыми, только разоружали их. Случай, когда повстанцы долго держали пленных, неизвестен.

Один из солдат, лежавших в госпитале в Душанбе, вспоминал, что там лежало много офицеров с пулевыми ранениями в спину, в упор — свои же солдаты стреляли.

Из афганских деревень доставляют раненых, изуродованных крючьями, ножами, вилами.

Широкое применение в афганской войне имеют пули со смещенным центром тяжести, которые применены с обеих сторон. О действии подобных пуль можно судить по эксперименту, который ставился на одном из советских полигонов. Кочан капусты накрывался каской, в которую потом прогонялись настрел дестабилизированной пулей. Входное отверстие выглядело обычным, капуста же, находившаяся под каской, выглядела мелко нашинкованной.

Так и идут через афганскую границу два потока — туда с повстанцами и оружием, обратно — с ранеными.

Вероятно, для наглядной агитации...

Не все отправляются в Афганистан добровольно. Появилась в Советском Союзе новая категория солдат — шеминки. В Москве один этаж в общежитии для иностранных студентов в МГУ занят завербованными на спецкурсы топографов и радистами любителями легких денег. Курсы ускоренные, специально для Афганистана, платят стипендию — 400 рублей в месяц. Держится все это в тайне. В период обучения вместо формы наемникам выдается заграничная одежда, в которой они ходят вплоть до отправки. Свои принимают их за иностранных студентов и особенно с ними не общаются: заводить знакомство с иностранцами, обучающимися в МГУ, им строгойше запрещено.

Один офицер, вернувшийся после "оказания братской помощи"

домой, жаловался на судьбу. Нет, его расстраивало не то, что он принимал участие в откровенной интервенции, посылал солдат на позорную гибель. Его злило, что обещали ему выдать по возвращении половину жалованья в сертификатах, а заплатили в рублях. "А что на них купишь?"

Полковник, отправлявшийся в Афганистан, хвастался, что по возвращении у него будет "Форд" — а "Волга" у него уже есть.

На широкую ногу поставлена дезинформация в армии. Один солдат с пеной у рта доказывал, что повстанцев вообще не существует, а воевали они против переодетых в штатское пакистанских солдат. Ему политрук так сказал:

Напротив, случается слышать от солдат и такое: "Афганистан здорово мозги прочищает. На многое после этого иначе смотришь. Я вот раньше "голоса" не слушал, а теперь слушаю и знаю, что каждое слово — правда."

Вспоминается вьетнамская война — сжигание повесток, медали на ступенях Белого Дома, демонстрации протеста. Спрашиваю ровесников: "А ты пошел бы воевать?" Ответ: "Конечно, история поганая. Одно дело родину защищать, другое — умирать в чужой стране неизвестно за что. Но если пошлют — куда денешься, пойду..."

Другой возмущается увиденным по телевиденью репортажем из Кабула: "Там по улицам жлобы ходят, лет по тридцать каждому, и все в штатском. Им бы по винтовке в руки и пусть сами себя защищают. А то посылают наших ребят!" "От кого "пусть защищают?" "Как от кого?! От американцев!"

Разговор с интеллигентом: "Я, конечно, понимаю, агрессия — дело малочетное. Но в СССР тяжелое экономическое положение. Если захват Афганистана может поправить дело — он вполне оправдан. И потом, не думаю, что американцы не соблазнились бы этой страной, не введи Союз туда свои войска."

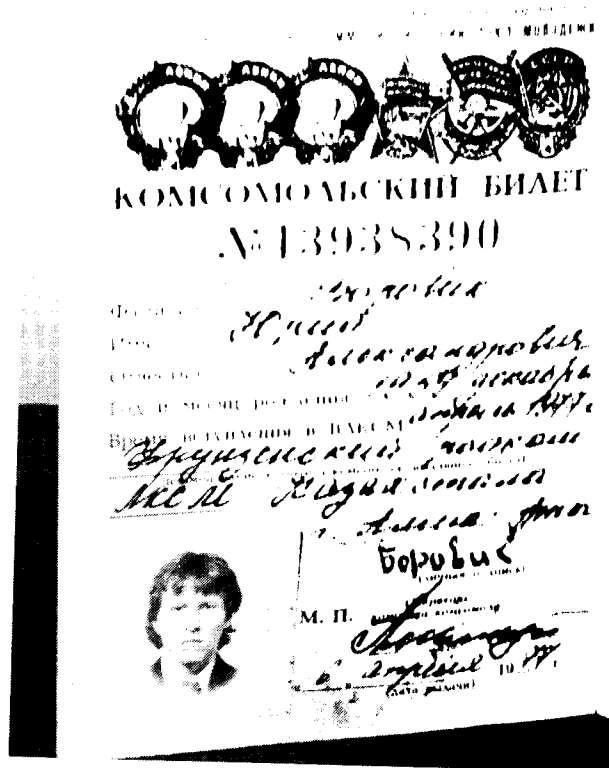
Это еще ничего, однажды довелось услышать и такое: "Хорошо, что успели. Афганские (!) войска уже на советской границе стояли, к нападению готовились!" К счастью, так думают далеко не все.

Как только в Душанбе прибыл поезд с ранеными, в город кинулись родственники. Положение создалось взрывоопасное. Но коммунисты и здесь нашли выход: легкораненных теперь демобилизуют и отправляют домой, а тяжелораненных грузят на самолеты и прямяком в ГДР — уж там родственники до них не

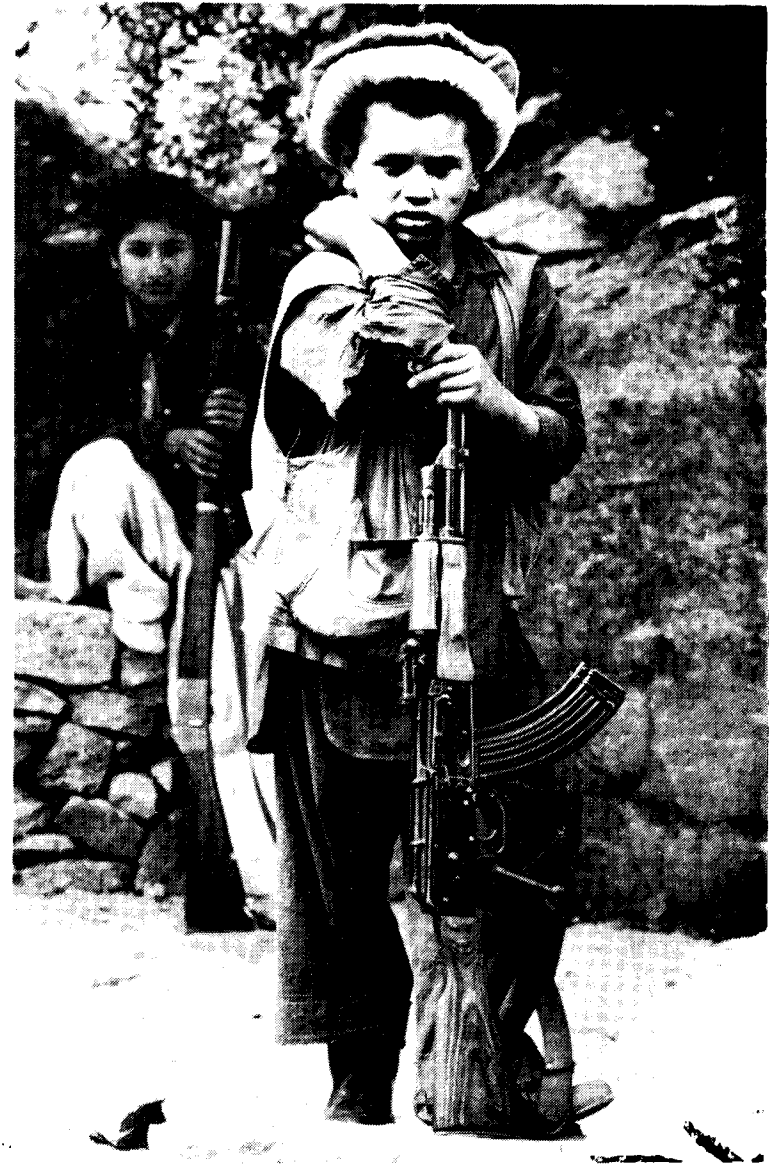
доберутся! А сколько их, родителей раненых и погибших в этой грязной войне? Останутся ли они после перенесенного удара прапорщиками подданными и смогут ли вновь надеяться на их беглость и покорность режиму?

Афганская миссюретка пропускает и еще пропустит через себя тысячи и тысячи людей. В какую сторону повернут штурнутое ею люди и случае тех или иных событий в нашей стране — предсказать трудно.

Ленинград — Вена, 1980.
(Впервые в "После" №9 за 1980)

Сержант Юрий БОРОВИК из Алма-Аты. Погиб в Афганистане.

По стопам дедов и прадедов (юные повстанцы из провинции Кунар).

(Материалы конференции клуба "МАРИЯ")

Татьяна ГОРИЧЕВА

Антивселенная советской семьи

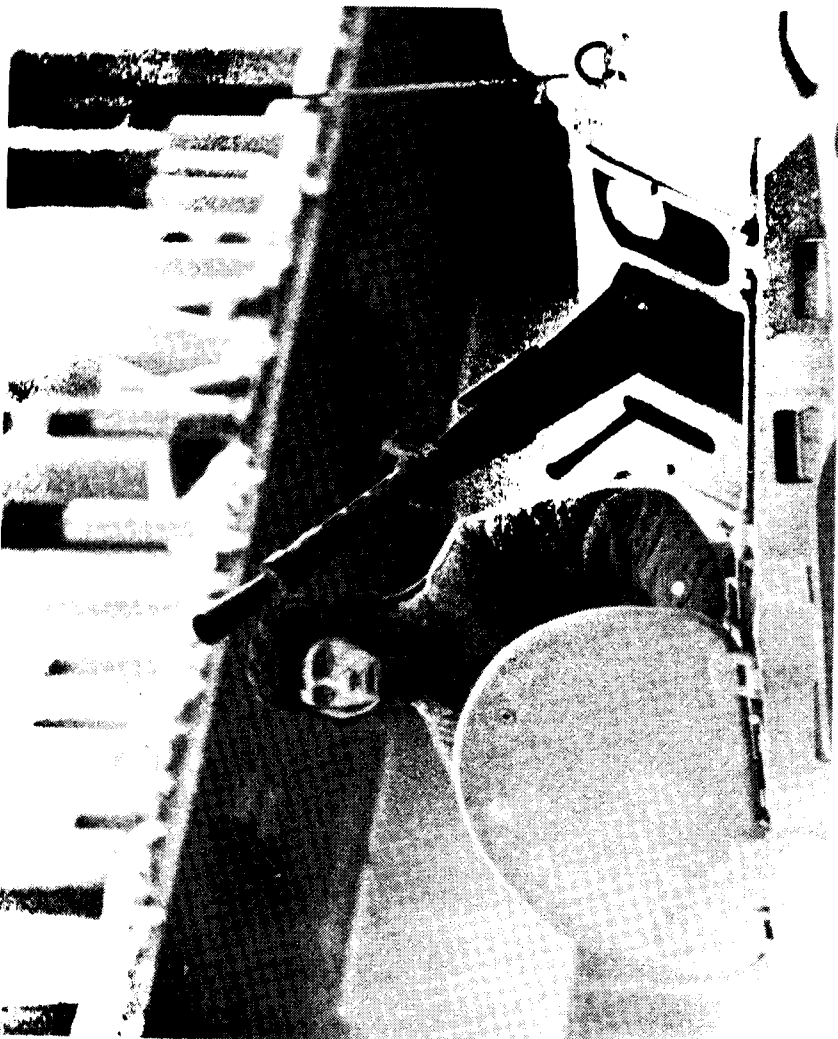
Кончилось время коммунистической псевдоаскетики. Прошли годы сладостной идеологической прострации. Протрезвели и обросли жирком Павки Корчагины. Никто теперь не бросается проливать кровь за идею, никто не собирается отказываться от эгоистической, плотской жизни. Истекли времена "мучеников", на смену им пришли цинизм, потребление и бегство в быт.

Когда смотришь различные обличительные ленты, где разоблачаются диссиденты, шпионы ЦРУ и украинские националисты, то легко обнаруживаешь, что все они построены по одному непрекаемому шаблону: сначала показывают мрачно-унылые лица "извергов", потом, в сопровождении радужной музыки, — счастливые лица резвящихся советских школьников, первые шаги малыша и т.д. При этом идет неизбежный текст: мы не позволим украсть у наших детей детство, мы защитим их от фашистского отребья.

Современная советская демагогия безошибочно апеллирует к тому, что составляет ныне единственный смысл в существовании среднего советского человека. У него отняли социум, отняли социальную совесть, активность, вытравили из ума и сердца все высшие идеи и программы, оборвали культурные и религиозные связи и оставили лишь биологический план бытия: ПЛОДИТЕСЬ И РАЗМНОЖАЙТЕСЬ, ЭТО ЕЩЕ ДОЗВОЛЕНО.

Всякое авторитарное общество стремится укрепить семью — так проще держать своих граждан в повиновении. Да и времени у этих граждан на что-либо другое уже не остается, потому что при низком уровне жизни, растущем пьянстве, постоянных дрязгах и истериках оно занято исключительно "семейными" проблемами.

"Броня крепка и танки наши быстры!.."

Кто в наши дни помнит еще о высоком предназначении семьи, о том, что она — микрокосм, в котором двое собираются во имя Его, что она должна быть преддверием рая? Два свободных индивидуума любят друг друга, и каждый видит, что через ближнего говорит с ним Христос. В браке, в настоящем христианском браке, совершается чудо — открываются самые интимные, самые скрытые грани личности, высветляются последние глубины бессознательного. Происходит соединение духовного и плотского, "обожается" человек, осуществляется то, о чем говорили святые Отцы: Бог стал человеком, чтобы человек стал богом.

Настоящий брак есть тайна и Таинство, есть эсхатологическое предвещание грядущего брака Агнца и Церкви.

Но в нашей действительности все наоборот: брак — это не маленькая церковь, не микромир, отражающий жизнь божественного макромира. Советская семья — это микро-ГУЛАГ в большом советском макро-ГУЛАГе (См. выступление Ю. Вознесенской "Домашний концлагерь", "Мария" №1.). Все в советской семье делается для того, чтобы обезличить, подавить, растоптать личность, растворить ее в биологически-родовом и социально-принудительном. Семья отрывает от целого, от смысла, лишает человека свободы.

Бога, свободу, любовь, творчество — все поглощает семейный ГУЛАГ. Советский человек, забитый и обманутый, лишенный космоса духовных ценностей, устремлен все же к последней из оставшихся ему очевидностей: быт очевиден, нагляден, позитивен. Но позитивность быта эфемерна. И всякое безумное стремление обставить, защитить свое гнездышко, обрасти мебелью, детьми, телевизором лишь расширяет и углубляет "щели" в бытии. И с каждым днем пропорционально суете растет уныние, одиночество, болезнь.

Быт вытесняет бытие.

Напрочь исчез из нашей жизни вместе с 30 — 50-ыми годами идеал аскета-коммуниста, только наши отцы помнят еще об этой бестелесно-героической комсомольской юности. Нынче "дураков нет". Все бросились приобретать, копить, обогащаться. И это вовсе не потому, что в результате героического труда и всяких лишений достигнут, наконец, необходимо высокий уровень жизни, который позволит отдохнуть от войн и шума пятилеток и запыться, наконец, собой, обратив свой взор на "вечные" ценности жизни как таковой. Как раз — наоборот.

Устремленность к непреложной реальности быта не мотивируема тем, что он "хорош". В стране нашей по-прежнему царит нищета, бесхозяйственность, голод. Повсюду очереди, дефицит, неустроенность.

И все-таки бегут в быт.

Бегут скорее не по причинам физическим, а по причинам метафизическим. Теряя свободу, становятся рабами не только человека, но и злых, алхимических стихий.

Советская "освобожденная" женщина, действительно, некоторым образом становится хозяйкой положения. Она — царица быта, хотя и не осознает своего "царственного" достоинства, а похожа скорее на затравленную и состарившуюся колдунью-алхимичку.

Она имеет дело с предметами, "имеющимися-под-рукой" — с посудой, бельем, продуктами питания. Но все эти вещи лишены статуса самостоятельного существования и лишь чему-то служат. Они настойчиво и неумолимо навязывают однотипный ритм своего бесцельного бытия: вымыть для того, чтобы запачкать, выгладить для того, чтобы смять и т.д.

И человеческая воля подчиняется этим бессмысленным циклам.

Да, мы должны заявить об отравленности бытом, о черной ворожке, которая навязана нам кухней и очередями, потому что здесь женщина теряет не только здоровье и красоту, она теряет нечто более важное — душу. Она сама становится вещью среди вещей и для себя самой неожиданно начинает замечать, что стремление почистить, помыть, приготовить заполняет всю ее жизнь. Ей уже как будто нравится бегать по магазинам в поисках отсутствующих продуктов, выстаивать длинные очереди, беспрерывно приводить в порядок свое унылое жилище. Знаю примеры женщин, эмигрировавших из Советского Союза в страны с более высоким жизненным уровнем. В письмах они жалуется на "бесцельность" своего бытия. В России можно было весь день простоять в очереди за туалетной бумагой, здесь же ничем заполнить время, и они умирают от скуки.

Нужда возводится в добродетель.

Женщина становится жрицей в этом дьявольском храме и кирничиком в анти-вселенной советской семье.

В ненасытной утробе

В наших условиях проблема быта разрастается до чудовищных размеров. Она становится проблемой онтологической (быт как нечто, вытесняющее из жизни самую возможность истинного бытия — об этом хорошо сказала Т.Горичева). Она становится также философской проблемой, т.к. изо дня в день ставит перед нами "основной вопрос философии": тело или дух? Есть или жить? Повторяю, что подобная жесткая альтернатива возникает именно в наших условиях, когда для того, чтобы выстоять во всех очередях, требуется убить весь день, а питание в столовых приводит к смертельным болезням (об этом — ниже).

Мне хочется остановиться на психологической стороне этой проблемы, потому что разные женщины, как мы знаем из своего опыта, закрепощены бытом в разной степени. Мне кажется целесообразным выделить три основных типа отношения женщины к быту.

Первая, на ком останавливается мой взгляд — это страдальца, мучающаяся сверх всякой меры, замордованная так, что ее жизнь тяжелее смерти. В детстве или в юности она усвоила некие нехитрые истины: все вещи должны содержаться в неукоснительной чистоте; дети должны быть одеты "не хуже, чем...", накормлены по расписанию пищей, содержащей строго определенные ингредиенты, не должны отступать от режима дня, остальное... А хватит ли времени на остальное? Если необходимым почитается то, отсутствие чего не ведет к ситуациям, опасным для здоровья, — уже ни на что другое не остается ни времени, ни сил. Уже одно то, что возможность всякой духовной жизни, в том числе и духовное внимание к детям, отнесены к разряду необязательного "остального", приводит к очень тяжелым нарушениям в характере и самой женщины, и, прежде всего, ее детей. Дети, которые знают, что самое главное — вовремя поесть и непременно съесть все, что дают! (уже почва для капризов) растут неуравновешенными — центр их жизни смещен. Отсутствие своеобразного духовного трезвильника — когда мать постоянно напоминает им об их сущности человека, об их высоком предназначении, воспитывает

их душу и дух — делает их невротиками и эгоистами, приводит к буйному, беспорядочному и невыносимому для окружающих неистовству плоти.

Не редкость такая картина: женщина, как всегда большая и усталая после работы, приходит домой. Но не на радость и не на отдых. Ее встречают безобразные вопли обезумевшего от капризов ребенка, которого нянчили, пока она была на работе, некие родственники (идеальный вариант — но сколько крови портит зависимость от родственников!) или же детский сад. В голове у нее гудит, глаза уже не видят, руки движутся лишь по инерции, и она сама себя не сознает — где она и что с ней. Она уже не замечает, что ее руки тянутся к тряпке, как у пьяницы — к бутылке. Она погрязла в чистоте, она больна, вылечить ее почти невозможно.

Я слышала об одной семье, где жена заметила за своим мужем такую странность: едва она выходила за порог, он хватал тряпку и бросался что-нибудь подтирать. Молодого человека показали психиатрам и до сих пор лечат. Но покажите мне хоть одного мужа, который обратился бы к врачам по поводу аналогичного заболевания у его жены! Хотя женщины страдают манией чистоты несравненно чаще, чем мужчины. Если учесть, что к мании чистоты прибавляется мания еды, мания порядка и прочие мании, в целом питающие одну болезнь, которую можно назвать бытоманией — мы поймем, как тяжело больны такие женщины. Они ведь чувствуют тяжесть своих цепей, ни днем ни ночью, как в аду, их не отпускает боль, физическая и духовная опустошенность, мучительная тоска об утрачиваемой жизни. Где тот, кто придет и скажет: плюнь! Пусть сегодня пол останется немылтым, пусть дети съедят на ужин всего-навсего яичницу. Не страшно даже, если посуда останется непомытой: куда страшнее упустить жизнь, так никогда и не очнуться от своего экзистенциального паралича!

Нет, не помогут такой мученице здравые речи: ей предлагают хоть на час снять с себя цепи, а она хватается за них так, словно из рук у нее выбивают последнее оружие. Болезнь влезла в нее слишком глубоко. Ей кажется, может быть, что это она сама стоит в очереди, моет пол, готовит и чистит, кормит и стирает, нет, сама она давно перестала — как бы то ни было действовать, ее движения подобны движениям проглоченного куска в ненасытной утробе быта.

Но известно, что она приносит себя в жертву детям, мужу. Но кому нужен этот проглоченный кусок, этот выжатый лимон? Она чувствует, что дети ее не любят — она ведь не имеет с ними никакого душевного контакта, ей "некогда". А муж — что ж, если он не разделяет с ней ее каторжный труд, это уже говорит о многом. Да и можно ли требовать от мужчины, чтобы он любил женщину, а нечто, давно уже утратившее не только и внешнюю, но и внутреннюю красоту, но и половую принадлежность?

Что же способствует возникновению такого отношения к быту? 1. Недостаточное развитие духовной стороны личности.

2. "Материалистическая" в буквальном смысле слова ориентация личности, вызванная отчасти воспитанием, при котором все физическое, материальное, вещественное априори почитается важным и существенным (вещи, деньги, удобства, количество и качество пищи, карьера, искусство и наука как пути достижения престижа), а все духовное и душевное — в лучшем случае может существовать факультативно, в худшем — почитается "блажью" (чувства, отношения между людьми, религия, искусство и наука как путь к Истине).

3. Покорность судьбе. (В своей статье "Парадоксы женской эмансипации" Т. Горичева писала о том, что послушание, по ее мнению, является одной из ведущих добродетелей, необходимых современной женщине. Но есть послушание и послушание: послушание как слушание своей совести, своего внутреннего голоса или голоса Божьего (помните: "Как верит каждое ухо тихим словам Твоим..."), заставляющее идти наперекор всем жизненным обстоятельствам, — и послушание как покорность этим обстоятельствам, рабская и малодушная. Что касается Т.Г., то она писала, конечно, о послушании первого рода).

4. Склонность к мазохизму (самоуничтожению).

5. Вялый, апатичный темперамент (флегматичный) чаще всего делает своих обладательниц жертвами быта — они даже не бьются в его цепях.

Второй тип отношения к быту во всем противоположен первому. Для женщин первого типа быт — все; для женщин второго типа он — ничто. Соответственно, возникновению этого типа способствует очень развитая духовная жизнь женщины, направленность ее личности к идеальному, абсолютное невнимание к вещественной стороне жизни, непокорность судьбе, несклонность к мазохизму, активный темперамент. Эти женщины — современ-

ные Диогены. Они способны проявить чудеса аскетичности и самоотречения во всем, что касается внешней, материальной жизни, оставаясь при этом светлыми и радостными, не тронутыми никакой физической болью. Способ их отношения к быту (полный аскетизм) кажется очень привлекательным, и сами они — счастливицы, особенно по сравнению с рабынями быта. Но у тех, кто видит их, зачастую сердце сжимается от боли, потому что в наших условиях такое отношение к быту ведет к настоящему отрыву духа от плоти: к медленному физическому умиранию.

Дело в том, что тем, кто сам не готовит, остается либо питаться хлебом и чаем, либо питаться в столовых. Все, кто в студенческие годы питался в столовых, знает, к каким страшным последствиям для здоровья это приводит: сначала гастрит, затем — язва или рак желудка.

Недавно мне довелось подробнее ознакомиться с технологией приготовления пищи в столовых: повара используют много раз пережаренный жир — он становится сильнейшим канцерогеном (веществом, вызывающим рак). Испорченные продукты не выбрасывают, а смешивают со свежими. Известен случай, когда работники столовой одного из ленинградских детских садов утром обнаружили в кастрюле с молоком утонувшую крысу (крысы — постоянные обитатели столовых: чтобы их выгнать, надо закрыть столовую на некоторое время, а план-то горит!). Итак, крысу из молока вытащили, а молоком из "экономических соображений" напоили детей, после чего все дети, кроме тех, кто отказался от молока, — умерли от отравления. Разумеется, все работники детского сада были наказаны, но родителям погибших детей от этого не легче. К тому же этот случай, как и множество подобных, пусть не столь крайних, не был предан гласности, чтобы работникам столовых непозволительно было отравлять людей плодами своего "искусства" из соображений все той же "экономии". (А как санитарный надзор? Оказывается, гораздо "экономичнее" снабжать работников санэпидстанций ворованными продуктами, чем готовить только из свежих продуктов, используя неизвращенную технологию.)

Есть люди, которые предпочитают питаться хлебом и чаем. Но для тех, кто уже прожил в этих условиях немало лет и, соответственно, нажил серьезные болезни (тот же неизлечимый гастрит, заболевания сердца, легких, печени, почек и т.д.) такое питание недопустимо: оно ведет к обострению болезней, редкому

ухудшению общего состояния здоровья.

Таким образом, мы оказываемся перед дилеммой: духовная смерть или медленное физическое умирание.

Существует и третий способ отношения к быту, свойственный чаще всего художественным натурам или просто беспечным людям, недостаточная пунктуальность которых спасает от крайностей первого и второго пути. По настроению они то готовят, то не готовят (и, значит, то едят полноценную пищу, то — чай с хлебом). Соответственно они чувствуют себя счастливее первых и дороже вторых. В сущности, это путь, пригодный только для импульсивных, непоследовательных натур — жизнь больше всего падит именно их, "гуляк праздных", — может быть, потому, что в своей стихийности они ближе к природе?

В сущности, тот путь, который предлагает Алла Сарибан, по структуре мало отличается от этого промежуточного третьего пути: то делать, то не делать, делать только крайне необходимое, постоянно помнить о том, что любой труд по бытовому обслуживанию можно бросить в любой момент, как только этого потребует истинная, духовная сторона жизни, относящаяся не к быту, а к бытию. Если сосредоточиться на этом вопросе, то можно разработать и определенную аскетику рационального отношения к быту, и своеобразную научную организацию труда в домашнем хозяйстве. Но я боюсь, что, даже призвав на помощь все силы современной науки, мы не можем разрешить задачу взаимоотношений с бытом хотя бы удовлетворительно: в лучшем случае это будут худосочные компромиссные решения, которые обрекут нас на худосочное питание и худосочную свободу.

Так может ли быть найден выход?

При настоящем разобщенном, разрозненном состоянии нашего общества выход найти очень трудно. Конечно, если бы не только женщины, но и мужчины занимались работой по бытовому обслуживанию семьи, проблема стала бы вдвое легче. Но никогда ни один эксплуататорский класс добровольно не уступал своих привилегий, так что говорить о таком решении проблемы можно только по отношению к будущему, когда мы сами воспитаем своих сыновей порядочными людьми. Существенных перемен в этом случае придется ждать по меньшей мере еще 20 лет.

Что же касается настоящего времени, то сейчас в нашем обществе слишком мало людей, способных думать не только о себе.

Как только такие люди появляются, общество сходит от них и прибавится — кого на Запад, кого — "в другую сторону". Общество, утратившее своих лучших людей, способных зажечь других, неслить в них надежду, уверенность, любовь — такое общество представляет собой зрелище самое жалкое. Поэтому высказывать практические пожелания и предложения можно только с большой осторожностью, сделав допущение, что в душе каждого человека дремлет искра Божья, способная возгореться и осветить все мрачные бездны, окружающие его до тех пор, пока он сам не сбросит с себя свои цепи.

Пожалуй, практические предложения сведутся к тому же самому, что предлагалось в Бюллетене СМОТа (Свободное Межпрофессиональное Объединение Трудящихся): все те учреждения, которые в наличном виде нас не устраивают, создавать самим на общественных началах: ясли и детские сады, а я бы прибавила к этому еще и столовые. Конечно, и при существующем голоде на порядочных людей нашлось бы несколько человек, способных создать столовую, где никто не ворует и не отравляет посетителей. Но легально существовать такая столовая, конечно, в нашей стране не могла бы: ее тут же объявили бы частным предприятием и всех честных поваров посадили бы в тюрьму, и надолго, в отличие от их нечестных коллег. Более возможным кажется вариант: объединение на самом примитивном уровне — несколько женщин, имеющих детей примерно одного возраста, решают воспитывать их сообща. Например, одна идет в магазин, другая занимается с детьми, третья готовит еду и т.д. При желании можно было бы разработать и более развитые формы сотрудничества и разделения труда. Возможность заниматься хозяйством не каждый день, а хотя бы раз неделю во многом облегчила бы жизнь женщины, дала бы ей чувство освобождения от проклятого рабства.

Но как же семья?

В нашем поколении встретить нераспавшиеся семьи довольно-таки трудно. Но если все же семья еще существует, и в рамках ее можно найти приемлемый вариант выхода: например, каждый день обедать в гостях, а раз в неделю принимать гостей у себя. (Хотя и это вряд ли удастся в условиях всеобщей слежки и недоверия: ведь там, где больше трех, уже может возникнуть религиозный семинар, политическая партия или союз свободных художников, — это вам не ХУШ-ый век!

Как бы то ни было, я убеждена в том, что трагическая неразрешимость проблемы быта в наших условиях может преодолеться только на путях движения людей друг к другу, через взаимопонимание и объединение. Путь духовного возрастания через Любовь и аскезу приведет нас к духовной зрелости, поможет разорвать цепи, вернуть внутреннюю свободу, отряхнуть оцепенение духовной смерти. Через дружбу и сотрудничество с такими же страдающими, как мы, живущими рядом с нами, мы сможем обрести независимость и достойную жизнь.

Алла САРИБАН

Женщина и быт

В дискуссии об отношении к быту членами клуба "МАРИЯ" были высказаны два противоположных мнения о взаимоотношениях женщины и быта. Первое. Занимаясь бытом, женщина теряет и губит себя, и поэтому для обретения истинной жизни ей следует отказаться от быта — Татьяна Горичева. Второе. Быт в известной степени раскрывает женщину, делает ее женщиной, т.е. в конечном счете дает ей жизнь — Галина Григорьева (Выступление Галины Григорьевой и других участниц дискуссии "Женщина и семья" будут напечатаны в следующем номере. — Ред.).

На мой взгляд вопрос следует ставить не так. Суть дела заключается в том, что "быт" неоднороден. Его можно разбить на две составляющих — "рутинную" часть и "содержательную" часть. К "рутинной" составляющей быта относятся мытье посуды, уборка квартиры, стирка белья, т.е. занятия, которые втягивают женщину в дурную бесконечность однообразных циклических операций (тарелка моется затем, чтобы тотчас быть запачкан-

ной и т.д.). "Содержательная" часть быта — это элементы творчества в женской работе — приготовление особо вкусной пищи, создание интерьера в жилище, вязание и шитье красивой одежды и т.д. Большинство женских дел в какой-то мере одновременно содержит оба этих компонента. Однако если дать себе труд подумать, как мы выполняем каждое из наших женских дел, то в большинстве случаев "рутинные" и "содержательные" компоненты домашней работы мысленно легко разделяются.

К содержательной женской работе следует отнести также те занятия, которые могут — и должны — стать источником творчества вместо того, чтобы быть однообразной утомительной рутинной. Это в первую очередь касается воспитания детей. Все моменты, связанные с непосредственным контактом с ребенком, должны субъективно восприниматься женщиной как творческая работа. Ведь любой контакт взрослого с ребенком информативен для ребенка, формирует и развивает его, дает практический способ, которым душа ребенка долгое время будет общаться с миром — и в этом смысле направлен в Вечное, священен. Отсутствие этого священного отношения к материнской миссии, ставшее у нас обычным, не только губительно для детей, но и крайне обедняет жизнь женщины, низводя ее из плана Бытия в план рутинного быта, т.е. небытия.

Тривиальная практическая программа освобождения женщины от порабощения бытом состоит в том, чтобы всемерно бороться за уменьшение рутинной части домашней работы, а освободившееся время и силы женщина могла бы тратить на другие виды активности — в частности, при желании, на увеличение содержательной части домашней работы. В принципе общество может здесь сделать очень многое. Нормальные детские сады и ясли, где дети бы меньше болели, нормальный "общепит", т.е. качественная и недорогая пища в столовых и домашних кухнях, улучшение сферы бытового обслуживания, улучшение жилищных условий, улучшение продовольственного положения, широкое применение бытовых приборов.

Другое дело, что несмотря на многочисленные демагогические заявления, общество наше очень мало что делает в этом направлении, да ничего сделать и не может в силу особенностей своей структуры, своего устройства. Следовательно, нам, советским женщинам, если мы хотим жить, а не оставаться рабынями ужасного рутинного быта, а также если мы хотим, чтобы наши дети

Галина ГРИГОРЬЕВА

Валентина Рябинина

марксистически и психически здоровыми людьми, не остается ничего другого, как обличать пороки этого общества и пытаться что-то делать в целях его реорганизации. Следует однако четко сознавать, что полное освобождение женщины от рутинной домашней работы — процесс медленный при любых, даже сколь угодно благоприятных обстоятельствах.

Рутинная женская работа — это факт (и в особенности — факт нашей жизни). Поэтому призывы к уважающим себя женщинам немедленно покончить с занятиями бытом звучат, конечно, привлекательно, но они абсолютно утопичны. Увлечение подобными призывами может принести женскому движению вместо пользы большой вред. Действительно, наблюдая несоответствие благих теоретических концепций с практикой, найдутся люди, сделавшие естественное умозаключение: предполагается, что если женщина — полноценный человек, то она не будет заниматься бытом. Но большинство женщин продолжает им заниматься. Следовательно, женщина — природная рабыня, место которой — на кухне, и нечего шуметь насчет равенства!

Сейчас для каждой советской женщины наиболее актуальна следующая задача в плане взаимоотношений с бытом — заниматься бытом по мере необходимости, не становиться его рабой.

В наших условиях эта, казалось бы, естественная позиция требует большой духовной зрелости. В настоящее время мы наблюдаем, как на быте, уюте, вещах полностью сосредоточены интересы огромного числа женщин. Быт, вещи (наряду с детьми) — это единственная в нашем обществе реальная ценность, которая находит отклик в женской природе и способна создать иллюзию жизни. Увлечение этой иллюзорной жизнью приводит сегодня бесчисленное количество женщин и их мужей к окончательной духовной гибели, а самое страшное — ставит на путь гибели их детей. Мы не должны давать втягивать себя в этот дьявольский омут, должны выйти из-под темного колдовства вещей. Единственная альтернатива в наших условиях — искать источник жизни в трансценденции, религии, к которой так чувствительна женская душа.

Сестры из "МАРИИ" попросили меня дать ей приют — так она оказалась у меня. А "официальная" версия нашего знакомства выглядела так: познакомились мы на вокзале, где она, беременная, расположилась ночевать со своими двумя ребятишками — четырехлетней Наташей и двухлетним Сережей. Версия эта была предложена самой Валентиной в то беспокойное время, когда милиция вламывалась к нам в квартиру, якобы разыскивая "притон", а обнаруживала бедных одиноких женщин с малыми детьми (искали очередной номер журнала "Мария"). Но на вокзале им действительно приходилось ночевать:

— Я укладывала их "валетом" на скамейке, а сама спала сидя. Колготки сушила тут же на батарее отопления, и милиционер смотрел, удивлялся и ничего не мог сделать. Вот только ноги здорово отекали: сапожки, хоть и матерчатые, было не застегнуть... Вот бы ты нас сфотографировала так, а фотографию — в журнал "Здоровье" или в "Советскую женщину"!

О, святая наивность!

— А почему же ты не ночевала в "Комнатах матери и ребенка"? Там действительно много удобств, и они, судя по моему опыту, обыкновенно пустуют.

— У меня не было прописки, а без прописки туда не пускают...

Ну, вот. Тут мы начнем все сначала. Почему так оказалось, что у Валентины не было прописки? Когда вместе живешь, не нужно брать интервью и записывать беседы. Из многочисленных отрывочных разговоров и замечаний сложилась история. Она такова.

Валентина родом из Прибалтики, из Даугавпилса. По национальности латышка, есть польская кровь, русская; родственников много — в Прибалтике, в Польше, в Средней России и даже в Бельгии, а одна тетка после войны оказалась чуть ли не в Англии..

В разговоре, в общении с Валентиной, когда сглаживается первое впечатление малокультурности и необразованности, начинаешь понимать, что она просто "другой" человек — она и крещена и католическая, и весьма интересный и непростой человек.

Ей тридцать, но время и четвертая беременность не пощадили. А глаза совсем детские, добрые и шальные.

Росла она в детских домах, интернатах. Сестер-братьев много, но времена тяжелые и родственной заботой она не избалована, всегда устраивалась сама. В Ленинграде уже около 10 лет. Жила в общежитии, работала неустанно, заработала комнатку в 12 квадратных метров в трехкомнатной коммунальной квартире... И тут же вышла замуж.

До этого в сожительстве с "богатым" то ли заведующим магазином, то ли поваром родила ребенка, девочку. Но по болезненности отца ребенок оказался неполноценным: как она ни пеклась, девочка не развивалась. "Только улыбалась, а головку не поднимала, не научилась..." По настоянию врачей и по "здравому смыслу" ребенка сдали в учреждение для дефективных детей.

Жаль было девочку, но жизнь идет своим чередом. Валентина в расстроенных чувствах вымарала-вычеркнула в паспорте несостоявшегося ребенка — наивно-трагическое "нарушение паспортных правил".

А затем — брак с Рябининым. Красавец-моряк, сразу, не раздумывая записались — "Мой муж самый лучший, самый красивый!" Прописала в свою десятилетним трудом нажитую комнатку. И сразу началось: пьянка, позже — побои. И сразу пошли дети.

— Развелась после рождения первого ребенка. Но, конечно, он не покинул жилплощадь — куда же идти?! В отделе по распределению жилплощади отказали, так же как и в райздраве.

Копии отказов у Валентины сохранились.

В разводе она родила еще ребенка, Сережу. Куда же спрячешься от бывшего мужа, к тому же почти всегда пьяного и агрессивно настроенного? "Не на улицу же идти!" (В дальнейшем пришлось и на улицу.)

Ребенка записали на Рябинина, начислили алименты.

— Я и в милицию жаловалась: уберите его от меня! Милиционер ответил: "Он прописан, должен жить. Ты не спи с ним, поставь раскладушку!" Вот тебе и раскладушка... Пусть теперь на третьего платит алименты (Она говорит "Элементы".) тот участковый, который советовал раскладушку ставить. А с Рябинина

много ли "элементов"? Он лифтер, инвалид третьей группы, опухоль на голове. О рублей "элементов" в месяц. А ведь все прощешь, сожрет и побьет еще.

И вот тут, с двумя малолетними детьми, на четвертом месяце беременности, она не выдерживает, выписывается и пускается путешествовать по Союзу в надежде пристроиться. Думала на себе устроиться дояркой — это она умеет! Напрасно. Вот если бы двое работающих — тогда взяли бы в колхоз и с детьми и жильем были бы.

И поняв бессмысленность своих попыток и безрассудство "выписки", она решает вернуть то, что потеряла — снова прописаться к бывшему мужу и найти потом работу с жильем. Но не тут-то было, назад ходу нет!

И вот мать с детьми, уже значительно беременная, едет в Москву и обходит приемные Кремля: "Так, с животом, с детьми — прямо по коврам!"

Конечно, помогут, справедливость должна быть восстановлена, позвонят в Ленинград, в горисполком, райисполком, горздрав, райздрав... Победа!

Но до победы еще далеко. Имена-отчества записали, даже 50 рублей дали в горисполкоме и велели ждать. Месяц проходит за месяцем, живот все растет, а жилплощадь, работа все еще не реальны.

Дети, наконец, пристроены через горздрав в санаторий "Солнышко".

И вдруг моя Валя пропала. Поехала на ВТЭК (медицинская комиссия, решающая вопрос о допуске к работе) и не вернулась. Ни звонка, ничего... Несколько версий, и одна из них — "дурдом" (психиатрическая больница). Версия подтвердилась. Через две недели пришло письмо из психбольницы имени Кащенко, за Гатчиной, в селе Никольском.

Валя и раньше была на психиатрическом учете, но была, по ее утверждению, психически здоровой — "Так легче хоть чего-то добиться!"

— Часто меня за дуру принимают: "Зачем тебе дети? Зачем ты их рожаешь?" Иногда я и сама думаю, зачем плодить нищету? Но... Вот сейчас мода — пудельков заводят, кошечек выгуливают на поводках. А я не хочу пудельков! У меня Сережка, Наташка! Пусть за дуру считают: я не дура, не сумасшедшая, у меня свой ум. Я люблю своих детей и хочу сама их растить и воспитывать. А сели сейчас на время отдала, так ведь была вынуждена...

Через месяц Валя помиралась. Сказала, что лежала на обследовании. Сделали все анализы, относились ласково, вот только предложения от ребенка избавиться... Конечно, отказалась! Показали медкарту, а там: "Кесарево сечение противопоказано, так как есть возможность появления жизнеспособного плода". Значит, обантонило только то, что разрезав мать и вырезав живого ребенка — не знали бы куда его деть, не топить же в ведре, как котенка! Зато прописали Валентину по старому месту жительства.

Кажется, подошли к концу. Квартиру еще не дали, но со временем обещают. Только вот когда? После родов? А куда ребенка нести? Придется ко мне...

Детей Валя в санатории не навещала два месяца — лежала в больнице, потом не было денег. И вот, наконец, получив алименты (с большим трудом, после многодневных хождений по почтам и бухгалтериям. Увы, распространенная история получения всяческих пособий на детей!), Валентина накупила целый рюкзак яблок и апельсинов, печенья, сухарей — на что потратила весь день. Взяла детскую одежду на весну и в надежде увидеть своих "деток", как она их называет, поехала, нагруженная, в санаторий "Солнышко" на Корельском перешейке. И вернулась убитая.

Оказывается, не потрудившись разобраться в ее ситуации, ее детей приняли за "брошенных", находящихся "в неблагоприятных социальных условиях". Короче, категорически предложили сдать детей в Дом ребенка и отказаться от родительских прав. В противном случае — лишит родительских прав через суд...

Конца у этой истории пока нет и не предвидится. Валентина в чрезвычайном расстройстве, мы волнуемся за судьбу будущего ребенка.

Что еще можно сказать о ней? Недавно я принесла Вале крестик из церкви, она очень просила. Дети у нее крещеные. Верует она просто, "ничтоже сумняшеся", без вопросов, выяснений, без заявлений и аффектации, в простоте своих человеческих устремлений, пусть противоречивых порой. Будем ли мы искать в ней то, что нынче называется "духовностью", требовать с нее этого?

Хоть и проста Валя Рябинина, но внимает на совместных чаепитиях нашим "умным разговорам", богословским прениям и выяснениям нюансов событий и отношений. А уж в людях разобраться всегда сумеет и доброту ценит и весьма благодарный человек. Сама добра, раскрыта и готова помочь, накормить, заступиться. И хочет жить ради своих детей.

Дай ей, Господи, немного жизненного благополучия, ей ведь и нужно немного!

Айа ЛАУВА

Happy end

Историю эту я узнала случайно: рассказала попутчица в поезде. Кто хоть когда-нибудь жил в рабочем общежитии, даже удивитесь: "Да о чем тут говорить? Такое на каждом шагу случается!"

Юра познакомился с Тамарой в колхозе, осенью. Полкомбината на уборку картошки послали. Надо же, жили в одной "общаге", только на разных этажах, а узнали друг друга только здесь.

Тамара, привыкшая к сельской работе, чуть не бегом бегала по борозде, картофелины сами собой укладывались в корзину. И еще другим успевала помогать. А у Юры в глазах темнело от проклятого ползанья на карачках. А при виде сизовато-розовых толстых червячков, которых вместе с картофелем выкидывал на поверхность трактор, подкатывала к горлу тошнота. В общем, взяла его Тамара под свою опеку.

Девчонки смеялись: "На что он тебе нужен? Он же на девять лет младше тебя." Впрочем, она и сама тогда не думала, что этот мальчик со временем окажется ей по-настоящему необходимым.

Через полтора года они поженились. Перед этим Тамара шепнула ночью на ухо соседке, чтобы не разбудить вторую, которая работала в утреннюю смену:

- Ну, что делать? Жить-то негде. А может, не выходить? Это же жизнь получится, а одна нервотрепка.

- Ты же любишь его? Так не думай про "где жить". Ведь пока одна, даже и рассчитывать не на что — квартиру не дадут, будь хоть первая на очереди.

После свадьбы думали жить, как жили прежде: каждый в своей комнате, а встречаться, когда соседки на работе. Получилось иначе.

Часть работниц стали переводить в другое общежитие. Девочки шепнули Тамаре: "Переселяйтесь к нам. Через месяц нас всех — в новую "общагу", а вы останетесь вдвоем."

Такое здесь бывало. Главное — занять комнату и не поддаваться на угрозы выселения с милицией. И Тамара с Юрой перетасили

ности в сердобольным соседкам.

Никоненд, девочки ушли. Молодожены остались в комнате вдвоем. На радостях купили шкаф, холодильник, книжную секцию — деньги были. Юра зарабатывал около двухсот на своем личном производстве, да и у Тамары рублей полтора в месяц находило.

Радость продолжалась неделю. Правда, в комнату регулярно приходила комендантша общежития, требовала "освободить символично занятое помещение!" Именно такими словами, будто в таких случаях у нее все слова, кроме скрипучих канцелярских фразосочетаний, из головы вылетали.

Ребята пытались объяснить:

Куда нам идти? Мы же семья, нам, вроде бы, положено жить в отдельной комнате.

С таким же успехом можно было бы разговаривать с магнитофоном.

А через неделю, вернувшись с работы, увидели, что дверь приоткрыта, а в комнате — еще одна семья: молодая женщина, визгливая и напористая, и ее муж устрашающего вида, с татуировкой на руках и на груди.

Валя кинулась в милицию.

— У вас что-нибудь пропало? — Спросили там, — Нет? Ну, тогда это не по нашей части. Общежитие — не квартира. Имеют право взламывать двери и подселить кого угодно.

— Да где же мы там разместимся? В комнате и шестнадцать метров не будет.

— Ну, а с этим вопросом обращайтесь в санэпидстанцию.

Обратились. Оттуда пришли с проверкой двое. Убедились, что и впрямь тесно. На комбинат пошло письмо, а оттуда — ответ: "Комнату предоставить по возможности." В переводе на человеческий язык — отказ. Потому как "возможности" нет и не предвидится.

Перегородили комнату занавеской. И началась борьба за проход между кроватью и книжной полкой на половине Юры и Тамары. То есть, мебель стояла впритык, добираться до книг или до подушки надо было при помощи акробатических упражнений. А тут еще Тамара почувствовала, что скоро станет матерью, и перебираться по спинке кровати стало ей совсем нелегко. При малейшем движении задеваемой занавески с другой половины комнаты раздавались брань и угрозы.

Дело кончилось скандалом и разбирательством в Совете общежития. Тамара демонстрировала синяки от побоев.

Комендантша общежития, сама вырастившая двоих детей, заявила:

— Беременна? Ну, это дело пока что поправимое. Думать надо, прежде чем детей разводить!

Члены Совета послушно поддакивали. В конце концов вынесли резолюцию: "Помириться и больше не ссориться." — как в детском саду.

Помощь пришла неожиданно, из ЦК партии Латвии. То ли директор комбината слишком уж распоясался и ЦК надоели жалобы на него, то ли еще что, но после визита туда недели еще не прошло, как пришло указание: "Переселить в отдельную комнату." И переселили.

Правда, через месяц уволили воспитательницу общежития, подругу Тамары, которая научила ее ходить по инстанциям и сама ее сопровождала. Но об этом как-нибудь в другой раз, чтобы не портить счастливого конца истории.

Светлана БЕЛОВА

Письмо молодой матери

Ребятки, приветик!

А я сейчас заболела. То ли гриппом, то ли воспалением легких. Температура, правда, больше 38 не поднимается, но все равно состояние препаршивое, особенно ночью, когда нужно вставать к Ваське, а ты вся мокрая и дрожишь.

Ты, Варенька, как истинно мужественный человек (я без иронии), никогда не писала о болезнях и не жаловалась. Но я всегда с ужасом представляла, как ты была одна с двумя девочками, как ты управлялась.

У нас введена великолепная реформа в торговле детскими вещами: их продают по справкам, выданным в родильных домах. Я спросила продавщицу, как же мне быть, если справок еще не выдавали, а ребенок, несмотря на это, жив и растет, между прочим, от этого не хуже. Следовательно, и одеваться ему нужно. Она ответила: "Ловите миг удачи!"

Сегодня наша одна ясли, где берут с года, а то и с 11 месяцев, если будет ходить к тому времени, и если я пойду туда

работать. Очень трудно решиться на такой шаг. Но если ничего другого не найдется, то есть, если не найду, куда пристроить своего бедолажку, то, наверное, через три месяца пойду работать к тети неси. Но три месяца жить как-то надо. Если Эдик останется благополучным до конца, то кормить нас будет, а если нет, тогда помру голодной смертью.

В магазинах из овощей и фруктов есть только картошка и капуста. Иногда продают яблоки и арбузы, но за ними большие очереди, в которых я стоять не могу. Страшно оставлять Васю на улице подолгу одного.

Напиши мне, чем ты кормишь детей? Я умудрилась жить в среднем на полтора рубля в день. Мясо раз в три дня, молоко, хлеб и яйца — вот основные продукты. Да еще для себя сигареты. Пока жила у родителей Эдика, два месяца не курила, пила каждый день молоко. Приехала хотя и пополневшая, но зато со здоровым цветом лица и светлыми белками глаз. Сейчас опять лицом пожелтела и постарела, а глаза какие-то красновато-желтоватые все время. В общем, красавица! Мне сказали, что выгляжу я лет на 30 с лишним. Еще несколько лет таких, с подобным темпом старения, и мне будет 60! Когда мы увидимся, я буду годна тебе, Варенька, в бабушки.

Голова очень кружится. Скоро напишу еще. Целую тебя. Девушек чмокаю в попки. Будьте здоровы. Светка.

От редакции: В этом письме мы изменили имена по просьбе получившего его адресата.

Татьяна БЕЛЯЕВА

Плачет Рахиль о детях своих

*Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами,
весьма разгневался и послал убить всех младенцев...*

Матф. 2-16.

Знаете ли вы радость? Идешь рано утром, ноги подкашиваются, но... избавление!

— От чего? — спросите.

От месяца хождений за справками, сидений в очередях, грубости врача, устройства дома на эти дни, от изобретения правдоподобной причины отсутствия для домашних.

— Ради чего?

Вы все еще не понимаете? От зародившейся в тебе жизни. Кто из них, из этого множества женщин, выходящих ежедневно из городского абортария, понимает тяжесть своего преступления перед Богом?! Господи, прости нам, грешным!

Начнем сначала. Вот ужас — вы беременны! День, другой все мысли только об этом. Вы пьете, едите, изнуряете себя подъемом неподъемных тяжестей — пробуете все средства, которые подскажут знакомые и малознакомые женщины. Вы в лихорадке, контроль над собой потерян — мысли и поступки одержимой. Нет, все по-прежнему, все напрасно. Еще звонки, разговоры... и вдруг найдено лекарство! Где достать шприц? День поисков по аптекам был напрасен. Спасли знакомые. Делать десяток уколов придется самой. Есть надежда. Заботливые подруги, сознавая ваш риск, берут увольнительную на работе и приходят к вам. Благодарю вас, сестры! Как умеют женщины сострадать, помогать... Еще мелкие затруднения: как прокипятить шприц на коммунальной кухне, чтобы избежать вопросов вникающих во все соседей? Обошлось.

Руки дрожат, ведь знаешь процедуру всего лишь теоретически. Страх почти нет — решимость, надежда. Мама стучит в дверь, затем сын — прошу подождать. Они ничего не должны знать. Для мамы это обернулось бы необыкновенной болью: из сотен детей в живых осталось двое. Она знает смерть миллионов от холода и голода. Бог миловал ее от подобного. Но уберечь,

Господи, материнские сердца от страданий за нас, преступных дочерей!

От стуков в дверь, от невбирающейся в шприц маслянистой живности руки разволновались. Все, наконец. В ванную попасть не удалось в течение двенадцати часов (ванна входила в "курс лечения") — спасибо "коммуналке"!

Сутки ожидания... Что же дальше?! Нервозность не спадает, эффекта нет. Программа поисков спасения усложняется.

Наш слой людей не живет в сфере "блата", где работает принцип "Ты — мне, я — тебе". Что мы можем предложить? Прочитать лекцию? Остается идти по общему пути.

Страх перед женской консультацией испытывают все. Получить направление на операцию нелегко: запись на очередь, сама "живая очередь", убивающие бессердечием "официальные" распросы, анализы, анализы, анализы...

Этап следующий. С утра пораньше — в клинику, на запись. Длинный коридор, в нишах обитые жестью двери, киношные ряды стульев-кресел. Унылые женщины тихо переговариваются. Грустные темы!

Прошло немного времени, запись началась. Неохотно пропускают вперед женщин с детьми, ворча с обидой: "Мы тоже могли бы своих привести..." С завистью наблюдаем за "блатными" — им делают с обезболиванием! Однажды и мне удалось быть в числе их. Живи, "блат"! Включай все больше людей в свою сферу!

Моя соседка-цыганка слишком волнуется: у нее четверо детей, муж пьяница. Возмущается, что нельзя открыто, за деньги купить себе обезболивающие средства. Испытываю легкий стыд, ибо мне через знакомых достали драгоценную ампулу почти задаром.

Привычка заполнять "бесполезное" время в очередях чтением часто удивляет иностранцев. Да, нашими усилиями очереди не исчезнут, и вот все силы — на собственное образование, на эрудицию! Советские женщины читают больше мужчин, читают везде: на службе, спрятав книгу среди чертежей на столе или в столе, читают в транспорте, сидя и стоя, в бесконечных и многообразных очередях. Неукротимое желание стать лучше или просто не согнуться, выжить, утолить хоть как-то жажду к человеческому переживанию. У меня же не только утилитарная задача составить план семинара по курсу философии, но и чисто психологическая — перевести страх и озабоченность во внимание к те-

ретическим вопросам. Есть еще маленькая задача, боюсь, не совсем скромная: приободрить несчастных женщин собственным спокойствием.

Пересаживаемся постепенно со стула на стул, приближаемся к заветным дверям.

В списке вещей, которые надлежит взять с собой, немало пунктов: ложка, кружка, ночная рубашка, ... иногда добавляют "постельное белье". Все проясняется — куда, когда и с чем. Этот этап закончен. Правда, день не удобный для тебя, но такие проблемы здесь не решаются, смешно было бы и надеяться: "Всем неудобно, мы вас сюда не звали!"

За день до больницы вспомнила, что у меня нет халата. А его ведь купить не так-то просто, уже год без него обхожусь. Спасла подруга, дала свой.

Этап последний. К восьми утра идешь в тот же длинный коридор. Ждешь молча, смиренно. Радостные, но уже охваченные заботами, идут в раздевалку "освобожденные" женщины. Мы займем их места, страдания не уходит из этого дома. Возволнованно спрашиваем: "Обезболивание делают? На каком отделении лучше? Какой врач лучше? К какому лучше не ходить?" Одно нас успокаивает: к тринадцати часам все будет кончено.

В палате 14 человек. Я "спасаюсь" книгой, стараюсь быть спокойной, но врачу не понравилась моя бледность. Ожидание и страх перед операцией лишают всех способности разговаривать.

В операционную заходим по несколько человек. Медицинская сестра предлагает помогать друг другу. Ампулу мою взять отказались, тут же ее выбросила. Страшная боль, грубость, деловитость бездушных врачей, их окрики, якобы успокаивающие...

Кончено. Все добрались до постелей. До вечера — разговоры. Наутро мы уже сами в роли "счастливиц".

Через 4 месяца... опять беременна! Ужас! идти в консультацию нельзя, аборт не сделают. Скажут: "Надо поберечь себя, что же вы так легкомысленно?" — с укоризной! Как, я — легкомысленна?! Но это уже история вторая,

"Пружинку" поставить нелегко. В университетской клинике "нет условий", в институте имени Отто — "Уже кончились и будут нескоро" — так я после описанного аборта начала действовать. Вынуждена опять идти в свою консультацию. В регистратуре, как всегда, ничего не выяснить. Походив, обнаружила "Кабинет противозачаточных средств". Есть и расписание. В сле-

дующий ряд пришла в часы приема — закрыто. С трудом выяснила, что сначала надо пойти к своему участковому врачу, он даст направление на анализы, а затем уже в заветный кабинет, и строго определенное время. Все проделала в нужном порядке... Кабинет закрыт, и никто ничего не знает. Так прошел месяц. К концу его отпала необходимость в спасительной "пружинке" — времени.

Опять начались поиски знакомств, спасителей-врачей. Спасена! "В.И. к вашим услугам!". Звонок по телефону — адрес, время. На следующий день осмотр под тихо льющуюся музыку. Я было собралась уходить, но врач приглашает меня, оторопелую, на кухню, на импровизированный операционный стол. Смущенно и инстинктивно: "Не думала, что сразу, не взяла деньги..."

Через 20 минут, прощаясь, я спросила: "Почему не могут так же безболезненно делать в больнице? Почему не делают обезболивающие уколы?" — "Секрет, но скажу: никогда не делаю укола, это слишком опасно." Почему одни и те же руки врача утром на службе — жестокие, а вечером...

Через полчаса я уже дома и принимаю неожиданных гостей, почти не ощущая слабости. Утром следующего дня вручаю В.И. конверт с деньгами у порога его клиники.

С той поры я многим рекомендую врача В.И. Лишь однажды вышел казус. Красота одной моей знакомой сразила его, и до аборта она вынуждена была удовлетворить его желание — некуда было деться.

После описанных событий прошло немало времени. В моем сознании, во всей жизни произошел переворот. Теперь меня мучает и терзает грех детоубийства. Я каюсь перед Господом и не совершу больше преступления. Но что мне делать, когда в отчаянии бросаются ко мне знакомые с просьбой о помощи? Пытаюсь отговорить, но страх перед действительностью затмевает все, так я остаюсь бессильной помочь им, остается лишь сострадание. С трудом мы можем прокормить и воспитать даже и одного ребенка. Полное отсутствие противозачаточных средств, невозможность следовать предписаниям гигиены в условиях коммунальных квартир да и просто медицинское невежество — и вот наш благодетель В.И. получает клиентуру и побочный заработок (в 1979 году это стоило 50 рублей).

Господи, прости, помоги и защити всех нас!

Прославление новых мучеников и исповедников российских

*Чадам Русской Православной Церкви
во Отечестве и рассеянии сущим.*

Русская Православная Церковь за границей, т.е. вне пределов родины, исповедует себя неотъемлемой частью Матери-Церкви Российской, вскормившей и воспитавшей русский народ и создавшей его культуру и великое государство. Она одна только может говорить от имени Отечественной Церкви.

Прежде чем огненные испытания обрушились на Церковь в России, Господь Промыслитель рукою крепкою выводит малую часть ее за пределы Российского Государства, сохраняя таким образом ее церковную свободу и полную неподчиненность какой бы то ни было политической силе в мире.

34 русских епископа, оказавшихся за границей, основывают в силу богодухновенного указа Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода от 20 ноября 1920 года Русскую Зарубежную Церковь, существующую до сего дня. Первым ее возглавителем был Митрополит Киевский и Галицкий Антоний, первый кандидат в Патриархи на Московском Соборе 1917-1918 годов. Вторым — член Всероссийского Синода Митрополит Анастасий и третьим — ныне здравствующий Митрополит Филарет. В настоящее время Собор 18 епископов является высшей властью Зарубежной Русской Церкви.

Не отрываясь от Матери-Церкви, следя внимательным, любящим и преданным взором за ее жизнью, Зарубежная часть радуется ее успехам и скорбит о ее бедствиях и испытаниях. Она знает и исповедует, что жизнь Церкви на родине, начиная с 1917 года и до сего дня идет скорбным, но славным путем. Путем мученичества, исповедничества, ухода в катакомбы нелегального существования, войны с воинствующим безбожием и порабощением им паствы Церквей.

В разгар страшной, кровавой, богоборческой революции многие миллионы русских людей, ради спасения своего благополучия, переходили в обновленчество, порывали с Церковью, позорно отказывались от веры предков, даже переходили в стан безбожников и воспитывали детей вне религии.

В то страшное время отступничества Церковь, помня слова Спасителя "В мире скорбни будете, но держайте, ибо Я победил мир" (Ин.16,33), привела ко Христу множество святых мучеников, бесстрашных исповедников, невинно пострадавших и убитых за веру православных христиан. Их кровь омыла позор богоотступничества братьев и сестер по крови. Они были добродетельной и очистительной жертвой за грехи народа.

А богоборцы торжествовали свою победу над невинными жертвами. Убили кроткого, всеми оставленного царя, как символ православного царства, убивали пастырей Церкви, которыми держится Она, монашествующих и мирян, возлюбивших Христа, мужчин, женщин и даже невинных детей. Убивали утонченными нравственными пытками, глумились, расстреливали, забивали до смерти, замучивали голодом, холодом, непосильными работами в лагерях смерти. Упиваясь кровью своих жертв, мучители доходили до полного безумия: закапывали живыми в землю, топили в реках, отрезали языки, уши, вешали на царских вратах и храмах, убивали вместе с женами и детьми.

Убивали, предъявляя единственное обвинение: служитель Божий или верующий христианин.

Шли верующие, как овцы на заклание, покорные воле Божией даже до смерти. Ничто не могло отвратить их от любви ко Христу, ни скорбь, ни теснота, ни гонение, ни голод, ни нагота, ни опасности, ни меч (Рим.8, 35).

Их подвиг озарил новую славою Православную Церковь в дни страшных гонений, они стали нашей славой, победой и радостью. Они ушли победителями из Церкви воинствующей и вошли в вечную радость Церкви торжествующей.

Но Церковь Христова ЕДИНА и обе, земная и небесная, живут одной жизнью, одной любовью во Христе! Взирая на их подвиг, мы сострадали им, мы молились за них. Но все чаще спрашивали верующие, не пора ли молиться ИМ, а не за них? Ибо несомненно они уже вошли в радость Господа своего.

Но чтобы наши молитвы к ним были совершенны, возносились бы всею Церковью "едиными усты и единым сердцем", надо чтобы она дала на это благословение актом канонизации новых святых мучеников. "Радуюсь, что свершится прославление мучеников, — пишет современный исповедник из России, — я давно им молюсь, а теперь моя молитва станет канонической, церковной".

Каждая православная автокефальная поместная Церковь сама канонизирует своих святых решением Архиерейского Собора, который следует желанию пастырей и паствы, верующих в святость мученика и желающих молиться ему церковной, общей молитвой.

Русская Церковь в Советском Союзе сделать этого теперь не может, так как лишена возможности высказать свое мнение и действовать согласно своему убеждению. Она зажата в тиски безбожной администрации, поставившей себе задачу ее подчинение, а затем полное уничтожение. Она не имеет свободно действующих и учащих епископов, которые могли бы совершить официальный акт канонизации. Они молчат, а безбожники лжесвидетельствуют всему миру о том, что мучеников за веру никогда не было, что верующие России пользуются полной свободой исповедовать веру.

И вот то, чего не может сделать никто другой, то, со страхом и трепетом, благоговей перед кровью мучеников, совершил Собор 18 епископов Русской Православной Церкви за границей, как малая часть всей Русской Церкви, но от ее имени.

Мы радостно сообщаем вам, братья и сестры, что наш Архиерейский Собор в воскресенье 19 октября/ 1 ноября 1981 года в Нью-Йорке ПРОСЛАВИЛ СО СВЯТЫМИ НОВЫХ МУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ, явившись выразителем желаний и молитвенных устремлений своих пастырей и паствы, а также неустрашимых исповедников на Родине. Вот, что пишет один из них: "Не откладывайте прославления и не меняйте намерения. То, что вам Бог внушил мысль прославить со святыми мучеников, является свидетельством того, что Он нас на это избрал" (письмо от 8 июня с.г.).

Актом прославления Церковь выражает свою любовь к мученикам, уверенность в том, что они святые у Господа, преклонение перед их подвигом, желание подражать ему и молиться им с любовью о помощи нам грешным. И в этой молитве любви осуществляется таинство того ЕДИНСТВА, о котором молился наш Спаситель: "Да будут все ЕДИНО, какое Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе" (Ин.17,21). В нем небо преклоняется к земле, земные возносятся на небо, и молитвы мучеников за нас исполняются нашей верой и любовью к ним, мы же укрепляемся молитвами их.

Через прославление мучеников мы сподобляемся величайшей

помощи Божией по молитвам их. А помощь эта нужна всем хотевшим жить по заповедям Божиим, в первую очередь, гонимым и скорбящим христианам нашего страшного времени.

Будем ревностно молиться тем, возлюбленные братья и сестры, которые сильнее нас и которые с нами. Они побеждают мир, несмотря на то, что "испытали поругания и побои, узы и темницы, терпя недостатки, скорби и озлобления" (Евр. 11,36-37). Но они, "которых недостойн был весь мир", по слову Апостола "не получили еще обещанного", т.е. полного блаженства и радости вечной жизни, в ожидании нас, как говорит тот же Апостол: "чтобы не без нас они достигли совершенства" (Евр.11,38-40). Они ждут нас! Они зовут нас следовать за ними!

Имея их своими молитвенниками, "свергнем с себя всякое бремя и запирающий нас грех и с терпением будем проходить предложенное нам поприще жизни..., чтобы не изнемочь и не ослабеть душам нашим" (Евр.12,1-3).

А К Т

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Собор Архиереев Русской Православной Церкви Заграницей, как представляющий единственную свободную часть Русской Православной Церкви, с благоговением имел суждение о мученическом и исповедническом подвиге бесчисленных верующих на Русской Земле, пострадавших от рук безбожников, — гонителей Веры Христовой.

Со дня Великого Князя Владимира Русский народ всем сердцем принял Святую Православную Веру. Она вдохновила многочисленных святых князей, святителей и подвижников, освятив христианский строй русской государственной жизни, православный быт народа и всю русскую культуру. Они были основаны на христианских началах, указанных в Священном Писании и Предании Православной Церкви. В разной степени осуществлялись в русской национальной жизни в разные периоды истории, эти начала продолжали существовать во всех слоях русского народа, от Царя до последнего нищего, в течении более чем девяти столет лет. Между тем, за последние два столетия, побуждаемое

прагом нашего спасения, антихристово начало революционного безбожия направило все силы и средства на уничтожение этих начал в Русском Народе.

С 1917 года, начиная с общенародного греха нарушения данной перед крестом и Евангелием присяге на верность Вере, Царю и Отечеству, — стало осуществляться искоренение безбожниками всего православного духа в отвернувшемся от Бога государстве и народном быте. Это зло достигалось путем жестокого преследования веры и православного быта, сделавшими своими жертвами все слои населения, от Царя и иерархии до самых простых верующих.

Сразу же, с самого начала революции, началось преследование и издевательства над заключенным Царем и Его Семейю и, почти одновременно, — насилия над представителями Церкви: Епископами, пастырями и верующими. В первый же год революции наша Церковь обагрилась кровью священномучеников и, вскоре же, как кровью сверженного Царя со всею Его Семейю и бывшими в пределах России членами Царского Рода, — так и бесчисленных верующих. Затем к ним присоединились жертвы гонений от обновленческих расколов и исповедники, не соглашавшиеся ни на какие компромиссы с антихристовой властью в попытке тогдашних возглавителей Московской Патриархии установить одновременное служение Христу и Велиару. Составился бесчисленный, многомиллионный сонм мучеников и исповедников. За 64 года советского владычества десятки тысяч храмов и монастырей были разрушены и замучены миллионы людей за то, что они хранили свою православную веру и не поклонились идолу материализма.

Молитвенно склоняясь перед всеми ими, Архиерейский Собор определяет причислить к лику святых всех пострадавших от безбожников в России мучеников и исповедников: святителей, священнослужителей, иноков, инокинь и всех православных людей, за православную веру и начала Святой Руси умученных и убиенных.

Имена всех этих святых столь многочисленны, что полностью могут быть известны только Всеведущему Богу, а Архиерейскому Синоду надлежит дополнять их именованья по мере поступления заслуживающих доверия данных о понесенном теми или иными людьми подвига веры во славу Божию.

Особое место и среди святых новомучеников занимают Царь Мученик Николай Второй, как помазанник Божий, носитель идеи Преподобной Государственности, и Его Семья. Им поэтому на день их убиения, день скорби 4/17 июля, посвящается церковная служба с чтением на Литургии установленной ранее для пасхида покаянной молитвы.

И всем этим святым мученикам и исповедникам будем возносить молитву, моли их, чтобы своим заступничеством у Престола Божию они вымолили России свободу от безбожников и возрождение православной жизни, а примером своим побудили и других членов Русской Церкви стать на путь подвига веры и благочестия.

Общий праздник российских новомучеников и исповедников устанавливается в воскресный день между 22 и 28 января по православному календарю. Память же отдельных мучеников и исповедников должна совершаться в день их блаженной кончины, когда таковой известен, а в противном случае в день общего праздника новомучеников.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА
МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ

ЧЛЕНЫ СОБОРА

Архиепископ Серафим
Архиепископ Афанасий
Архиепископ Виталий
Архиепископ Антоний Л.А.
Архиепископ Антоний З.Е.
Архиепископ Антоний З.А.
Архиепископ Серафим К. и В.
Епископ Лавр

Епископ Никандр
Епископ Константин
Епископ Нектарий
Епископ Алипий

ЧЛЕНЫ-СЕКРЕТАРИ СОБОРА:

Епископ Павел
Епископ Григорий
Епископ Марк

О прославлении — из России

Отрывок из письма о. Глеба Якунина из политлагеря,
датировано 21 июля 1981 г.

Дорогие братья-христиане!

И обращаюсь к Вам и в Вашем лице ко всем христианам Западной части сердца не остаются равнодушными к преследованию верующих в нашей стране.

Находясь уже здесь, в уральском политическом концлагере № 37, я получил долгожданную радостную весть, что в 1982 г. Русской Синодальной Зарубежной Церковью состоится канонизация Новомучеников и Исповедников Российских.

Верую — это великое событие жизни русской Церкви коренным образом изменит дальнейший ход исторических судеб России и всего мира.

Верую, именно Им — Мученикам и Исповедникам Российским дана Богом Харизма по их канонизации сокрушить Новую вавилонскую башню, вывести Церковь из египетского пленения (описание этого трансцендентного вмешательства Божественных сил в человеческую историю содержится у пр.Исаи, 28-31 гл. Именно это событие имел в виду Великий Святой русской Церкви преп. преп. Серафим Саровский, когда пророчествовал: "Среди лета Насху воспоют". "Пасха" — в библейском понимании — праздник исхода народа Божьего из египетского рабства).

Верую в скорое воскрешение России. Да услышит она, подобно четверодневному смердящему Лазарю, чудодейственный призыв Всемогущего Господа: "...Гряди вон!"

Отрывок из письма деятельницы религиозного движения,
полученного из Москвы в декабре 1981 г.

Очень большую радость принесла нам весть о Прославлении новомучеников Российских. Люди плакали от радости, поздравляли друг друга. Это очень важно именно теперь после прошлогодних отречений. Священники служат молебны Новомученикам, мы молимся Им, Они помогают. Эта связь дает силу.

Уникальное издание. Религиозным Самиздат

НАДЕЖДА

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Подписывайтесь на сборники „Надежда“! Вы получите богатую духовную пищу и в то же время поддержите это такое нужное для России издание!

За 3 выпуска при подписке:

непосредственно в издательстве	н. м. 60.—
через представителей	н. м. 72.—
Цена отдельного выпуска	н. м. 24.—

„Надежда“ составляется и распространяется в России в машинописном виде. Долг наш — российской эмиграции — облегчить ее распространение на Родине, переиздавая за границей типографским способом. Без помощи читателей за рубежом мы этого издания продолжать не сможем. Уже сейчас издание „Надежды“ задерживается из-за недостатка средств, хотя у нас в „запасе“ лежит несколько новых выпусков, которых с нетерпением ждут читатели в России

Possev-Verlag, Flurscheideweg 15,
D-6320 Frankfurt a. M. - 80

АЛЬБОМ РАЗРУШЕННЫХ И ОСКВЕРНЕННЫХ ХРАМОВ

(Москва и Подмосковье — «Золотое кольцо»)

Художественное оформление. Специальная бумага. Твердый переплет. Большой формат (29 × 21 см). 224 страницы. 250 фотографий храмов до и после разрушения. Большое послесловие неизвестного автора — «Пределы вандализма. К истории российских храмов в XX веке».

Два пути, ведущие к Небу, ближе всего русской душе — Святость и Красота. На пересечении этих дорог возникло одно из высших проявлений гения нашего народа — русские церкви. Почти тысячелетие строили их наши предки, не только для себя, но и для нас и для наших детей. Но большинства их ни мы, ни дети наши уже не увидим, разве что на фотографиях, как в этом альбоме. Зато, может быть, эти фотографии помогут нашим детям разгадать загадку: что за существа посетили тогда нашу страну, для которых жизнь на одной земле с этой красотой была невозможна? И почему весь народ не схватил их за руки?

(Из «Альбома»)

Альбом посвящен Александру Солженицыну, а в Самиздате был выпущен к его шестидесятилетию. Альбом открывается его рассказом «Путешествия вдоль Оки».

Стоимость альбома — 45 нм + 3 нм за пересылку.

*Жертвуйте также на отправку альбома в Россию
(30 нм на экземпляр)*

Заказы и пожертвования направлять непосредственно в Издательство.

POSSEV-VERLAG, Flurscheideweg 15, D-6320 Frankfurt/M-80

Три портрета Наташи Лазаревой

24 сентября 1980 года сотрудниками ленинградского КГБ была арестована театральная художница и режиссер, член клуба "МАРИЯ" Наталия Лазарева.

26 сентября в ее защиту выступило Международное Общество Прав Человека, издав специальную листовку с призывом к мировой общественности о защите Наташи от произвола властей.

28 сентября 110 российских эмигрантов послали протест по поводу преследования активистки женского движения генеральному прокурору СССР.

30 сентября в ее защиту выступили французские феминистки. Начался сбор подписей под требованием освобождения Наталии Лазаревой в феминистических кружках почти во всех странах Европы.

22 октября все женщины члены Конгресса США обратились к послу СССР в США А.Добрынину с официальным посланием, в котором они выразили тревогу в связи с преследованием независимого женского движения в СССР и ходатайствовали об освобождении Наталии Лазаревой.

6 ноября три члена Европейского Парламента — Паола Галотти де Биазе, Анна-Мария Лизин и Мария-Антуанетта Макиоччи выступили с проектом резолюции Европейского Парламента, осуждающей репрессии советских властей против феминисток, борющихся за права женщин в Советском Союзе. Особое внимание в резолюции уделялось положению Наталии Лазаревой.

...И это далеко не полный перечень выступлений в защиту нашей подруги. Имело ли это какой-то положительный результат? Как ни странно — на этот раз, да. В период жесточайших массовых репрессий против инакомыслящих Наташа, несмотря на стойкое и принципиальное поведение во время следствия и суда, получает сравнительно мягкий приговор — 11 месяцев концлагеря.

Но эти 11 месяцев надо было прожить месяц за месяцем, день за днем в немыслимых для цивилизованного человека условиях советского концлагеря. Наташа выдержала. Может быть, во многом благодаря той поддержке подруг во всем мире, которую она чувствовала постоянно. Более того, у нее и в лагере хватило сил продолжать оставаться "сестрой из клуба "МАРИЯ": заключенные женщины полюбили ее за отзывчивость, за прямоту и стойкость характера, за готовность помочь в любой беде.

Мы публикуем сегодня три портрета Наташи Лазаревой. Первый из них написан подругой по клубу, поэтессой и философом Галиной Григорьевой, второй — подругой в изгнании Юлией Вознесенской, а третий, самый короткий, но, может быть, самый интересный — французской туристкой, посетившей Наташу через несколько дней после освобождения из лагеря.

Галина ГРИГОРЬЕВА

Биография. Творчество. Преследования.

Первый вариант биографии Наташи Лазаревой был написан мною 10 сентября 1980 года, со слов самой Наташи, а 11 сентября отобран у меня при обыске в моей квартире. Обыск производился с 19 до 23 часов сотрудниками прокуратуры следователями Тумасовым, Голубевым и еще одним их коллегой, не пожелавшим представиться, лишь на мгновение приоткрывшим свою красную книжечку. Этот третий, очевидно, принадлежал к другому ведомству...

В тот же самый день, несколькими часами раньше, обыск был произведен и у Наташи.

...Сегодня уже 1 октября. На днях я узнала, что Наташа арестована.

Идея написать свои биографии на случай ареста, чтобы оставшиеся на свободе подруги могли вступить за арестованных, возникла, конечно, не случайно. Мы пытались хоть по возможности обезопасить друг друга, насколько это возможно в гонениях, ставших теперь нашим уделом, рассказать о них всем участницам (и участникам) и сочувствующим делу женского сопротивления, обратиться ко всем людям доброй воли с просьбой о помощи и о защите невинно страдающих женщин, которые подвергаются преследованиям только за то, что они пытаются духовно возро-

даться, самоопределиваться и выражают эти попытки в стихах, статьях, прозе, письмах, рисунках — создавая, в сущности, все это не для себя, а стремясь поделиться своими богатствами с далекими и близкими сестрами.

Теперь я постараюсь пересказать биографию Наташи по памяти, а также расскажу о собственных впечатлениях от встреч с нею. Эти встречи, я надеюсь, вскоре возобновятся.

Наталья Лазарева родилась в сентябре 1948 года в городе Ломоносове (бывший Ораниенбаум) Ленинградской области. Мать Наташи участвовала в Великой Отечественной войне, была контужена, в результате чего всю дальнейшую послевоенную жизнь страдала от психического заболевания. Кстати сказать, пенсию инвалида войны, которая намного превышает гражданскую, мать не получала.

Сведения об отце отсутствуют.

Росла и обучалась Наташа в интернатах, детских домах, родительской заботой избалована не была. Тем не менее, успешно закончила среднюю школу (совмещая учебу с работой на заводе) и поступила в Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии, на отделение художников кукольного театра.

В течение всего этого времени Наташа самоотвержено ухаживала за больной матерью, когда та находилась дома — в полуподвальной комнате, служившей одновременно и Наташиной мастерской, и постоянно навещала ее в больнице, где та периодически находилась.

Холодное сырое жилье, случайное и скудное студенческое питание — все это губительно сказывалось на здоровье молодой девушки, молодой художницы (назовем ее так, хотя сама Наташа из скромности считает себя лишь "заправским бутафором"). Полиартрит, язвенная болезнь желудка, ревматические явления угнетали, мешали творчеству. Лишь с помощью друзей йогов и диетологов Наташа научилась бороться с недугами.

Официальная карьера, так называемая "производственная деятельность", сложилась неудачно. После окончания института Наташа пыталась добиться направления во Владивосток, в кукольный театр, где требовался художник, но потерпела неудачу. В течение нескольких лет так и не могла найти работу по специальности. При этом она не дисквалифицировалась. Оформляла отдельные номера и программы для своих концертирующих друзей. Особенно близка Наташе пантомима. Выступления ее

в этом жанре неоднократно заслуживали всевозможных премий и поощрений на конкурсах. Рождались замыслы законченных постановок для театра пантомимы...

Наконец Наташа находит работу, которая отвечает ее духовным запросам, удовлетворяет художницу и открывает еще одну грань личности — педагогический дар. В обычном Доме культуры она начинает вести скромный детский кружок прикладного творчества (керамика). Одновременно она дает своим юным ученикам основы рисунка. Учила детей по-новому, глазами художника видеть мир. К сожалению, длилось это недолго: меньше, чем через год кружок закрыли, "ставку отобрали", художницу уволили "по сокращению штатов". Но, открыв в себе умение наставлять, передавать юной душе себя — свой навык, способность видеть, Наташа продолжает давать уроки своим друзьям и их детям. С радостью пожинались плоды: люди, занимавшиеся с Наташей совсем недолго, поступали в высшее художественное училище имени Мухиной.

Кроме всего этого, Наташа еще и художник-анималист.

А в последние годы у Наташи возникли новые интересы и увлечения, которые, как это ни печально, тесно связаны с ее геперешним положением.

При "официальной" должности дежурного кочегара в котельной, Наташа почти все свое время посвящает фотографии, графике, литературе — пишет прозу, сценарии, стихи.

Сущность ее личности — религиозность. Крестилась Наташа в православном храме Преображенья Господня, что на улице Нестеля — в 1975 году. Как и у многих из нас, не живших в Боге с детства и не привыкших к культовой жизни с ее суровостью, дающей благодать, у Наташи религиозность проявлялась достаточно стихийно. Обладая даром красноречия, девушка мечтала о возможности проповеднической деятельности.

В повседневности же ее религиозные устремления и душевная чистота выливались в щедрость, открытость и готовность помочь. Крайне нуждаясь сама, она с радостью раздавала зарплату друзьям.

Каковы же последние события ее жизни? Началось с выяснения того, что один из Наташиных учеников по рисунку оказался сыном Юлии Вознесенской. Состоялось знакомство с Юлией, перешедшее в духовную близость. Далее — знакомство с Татьяной Горичевой. В Татьяне Наташу привлекает аскетическая воз-

наивность, богословская умудренность и человеческая открытость этой нешурдявой женщины. Наташа вступила в клуб "МАРТИ" Она оформила первый самиздатский номер журнала "Марти" своими графическими работами и фотографиями (Федосеева). Клуба не позволяет нам пока воспроизвести их в шрифтном издании, но один из примеров ее работы — обложка журнала, точно скопированная нами с самиздатского номера Ред.)

Прожив много лет в центре Ленинграда, Наташа любит и знает город. Не парадный Невский проспект, не распахнутые просторы шибережных, а Петербург Достоевского: Новая Голландия, с ее запущенными архитектурными массивами, задними и проходными дворами, "цветущими" свалками и помойками, привокзальные площади с уличным людом (пьяницы, "Бомжи") — полгород пьес, стихов, фотографий и рисунков Наталии Лазаревой.

Основательниц женского движения России выслали из страны, но само движение не заглохло. Много новых самоотверженных молодых подвижниц пополнило ряды "нежной гвардии". Силы зла, Божьи недруги не могут этого стерпеть. Серия обысков у участниц движения и у представителей творческой интеллигенции, близких движению, отобранные рукописи статей, стихов, изъятые пишущие машинки, атмосфера подслушиваний, жизнь в постоянном напряжении всех физических и моральных сил... Но всегда и повсюду с нами Господь, дающий силы и отнимающий страх.

Наташа кажется слабой, хрупкой. Но мы знаем, что она умеет переносить физические страдания и невзгоды. Помогите, Господь, не согнуться духом нашей маленькой Наташе! Мы думаем о ней молимся за нее, мы с нею.

1 октября 1980 года, Ленинград.

Юлия ВОЗНЕСЕНСКАЯ

Сердце подруги

Наташу Лазареву мне "подарил" мой старший сын. Есть у него счастливая черта — он умеет находить себе хороших учителей. Я только что вернулась из лагеря и домашние мне сразу же сообщили, что у Андрея появилась какая-то необыкновенная преподавательница рисунка.

Долгое время мы не могли встретиться: я постоянно была "в бегах", встречалась с друзьями после разлуки, читала в различных компаниях свои лагерные книги, собирала по городу разрозненный по тайникам архив. И часто вечером сыновья встречали меня упреком: "Опять была Наталья Михайловна, ждала тебя, а ты где-то бегаешь!.."

Однажды я случайно оказалась дома. Раздался звонок, и в комнату вошла худенькая молодая женщина. Одетая почти мальчишески, с резковатыми чертами выразительного лица, бесконечно открытым взглядом и улыбкой — "Все тут, ничего не держу за пазухой!", она очень подходила под театральный тип "травести".

— Здравствуйте, а я — Наташа!..

Мы подружились с первого взгляда, с первого слова и в первый же вечер говорили обо всем на свете. Я читала Наташе свои стихи, она рассказывала и показывала свои театральные задумки. С этого дня она и для меня стала своим человеком в доме, и если она долго не показывалась, мы о ней тревожились всем семейством.

Наташа не имела возможности заниматься любимым делом в профессиональной обстановке: изредка номер в концертной программе, участие в конкурсном смотре кукольников, еще чаще — бескорыстное оформление спектакля или номера кого-то из друзей — "Этому парню надо помочь — талант!". Какое-то время занятия с детьми в студии, а в основном приходилось ей зарабатывать на хлеб без масла, как и всем нам, случайной работой. В последние годы — в кочегарке. В нашей стране ведь нет и не может быть безработных, поскольку в статистических ежегодниках так и пишется: "В этом году, как и в предыдущие годы безработица на территории СССР не зарегистрирована." А потому взрослое работоспособное население делится на две категории — трудящиеся и тунеядцы, без промежуточных состояний. А если театральный художник с высшим образованием не может найти себе работу по профессии, то ему открыт путь в кочегарку, дворницкие, на стройки. И никаких проблем и никаких пособий...

Правда, в кочегарке, куда устроилась Наташа, собралось совсем недурное общество: поэт Олег Охупкин, имеющий музыкальное образование и даже бывший членом профкома Союза писателей, Женя Пазухин — филолог с высшим образованием, еще кто-то из художников-нонконформистов. Но работа их

от этого дружеского окружения не становилась легче. К тому же, кочегарка была газовая, аппаратура не в лучшем состоянии, и потух в этом прибежище талант был если не смертельно опасен для жизни, то достаточно вреден для здоровья.

Иногда Наташа приходила ко мне сразу же после смены, уставшая, поблекшая, с посеревшим лицом и потухшими глазами.

Хочешь чаю или кофе? Как раз пришла посылка, кофе замечательный!

Стакан горячей воды, если можно.

Не только любое вино, но даже чай и кофе были слишком крепкими напитками для Наташиного испорченного студенческим питанием желудка.

Вот она сидит напротив меня на диване, серенький воробушек. Кажется, сейчас клонет носом и уснет. Но у меня есть средство!

А хочешь новый альбом Судека?

Молча берет альбом, листает... И вдруг:

— Нет, ты только посмотри, что он делает! Ты посмотри, какой ракурсе!

И щеки разгораются, глаза блестят — хрупкий сосуд наполняется творческим огнем. Все в порядке, сейчас на меня польется ливень идей, театральных замыслов, художественных находок.

Кочегар-художник, она жила так, как не всякий преуспевающий театрал и художник умеет жить. Кукольный театр оставался ее мечтой, но она не соизволяла считать эту мечту недостижимой, плюя на неприязнь к ней театральных рутинеров. Жила так, как будто завтра откроется экспериментальный кукольный театр, в котором все будет позволено, и потому всегда была наготове. У нее буквально "на ходу" было несколько интереснейших кукольных спектаклей-пантомим, и она в любой момент могла показать их "зрителю", заменяя собой не только отсутствующих кукол, но и оркестр. Почти любой вечер с Наташей превращался в театральный праздник, и было жаль расставаться, когда она вдруг оглядывалась с традиционным вопросом: "А где моя шапочка?"

Не имея ни малейшей возможности всерьез хорошо одеваться, она компенсировала эту женскую беду тем, что шила себе забавные шапочки, потом привыкала к ним и очень расстраива-

лась, если теряла. А теряла она их постоянно, при ее-то живости.

Наташины смешные "шапочки" напомнили мне один случай, тоже связанный с одеждой. Осенью 79-ого года я неожиданно и странно получила огромный гонорар из-за границы — друзья по-работились. По нашей давней и общей почти для всех традиции мысленно я "оглядела" своих друзей: кто у нас самый "раздегый"? Конечно, Наташа, у которой не было не только зимнего пальто, но даже и осеннего. Я торжественно и радостно вручила ей 100 рублей с неременным условием купить пальто. На следующий день счастливая Наташа вбежала ко мне с охапкой кистей, альбомов для рисования, папок и еще какой-то дребедени, используемой художниками — обеспечила своих учеников в детской студии рисунка. Я чуть не расплакалась. Но положение спасла Наташина соседка, которой я пожаловалась. Она попросила у Наташи "В долг" оставшиеся деньги, зная, что та не в силах никому отказать, а потом на эти деньги купила ей пальто. Долго Наташа на нее ворчала...

Не знаю, детдомовские ли традиции тому виной, детски-христианская ли ее душа или просто счастливое свойство простодушного характера, но Наташа совершенно не умела жить не делясь с ближним. Хоть чем-нибудь: последним рублем от полочки, кистями и красками, одеждой или просто жильем и хлебом. А то злополучное пальто она через полгода заложила в ломбард, когда у "смотовцев" не было денег ехать в Москву выручать попавшего в беду Владимира Борисова. И всегда, постоянно делилась она с нами радостью творчества.

Все друзья Наташи знали и любили героя многих ее пантомим, смешного, благородного и невезучего клоуна Бима. Была целая серия маленьких спектаклей о Биме, в которых было много необычного, яркого и радостного, но вместе с тем в этих крошечных спектаклях демонстрировалась такая неприспособленность этого мира к любви и добру, что у многих импровизированных зрителей глаза бывали на мокром месте.

Особенно поучительна была одна история, называвшаяся "Сердце Бима". Бим видит, что люди разобщены, а потому несчастны, что они погрязли каждый в своей суете. Он начинает искать НЕЧТО, что могло бы их объединить и заставить слушать друг друга. Но ни музыка, ни чужая беда на них не действуют — все они куда-то торопятся, занятые своими делами. Бим плачет. И вдруг он слышит какой-то звук, вселяющий надежду.

Оказывается, это его собственное сердце! Счастливый Бим зовет к себе людей. Они оставляют заботы, сбегаются и замороженно слушают музыку-стук его сердца. Потом задумываются: а как оно устроено, сердце Бима? И люди разрывают куклу Бима на части, вытаскивают из его груди сердце, чтобы исследовать его и к чему-нибудь "полезному" приспособить. Конец истории был оптимистичен: сердце Бима осталось живым и разогнало нечестивцев своей музыкой, которая от неприкрытости сердца стала еще слышней, зазвучала грозно.

Наташа в лагере. Ее окружают несчастные, загубленные государством и нелепым бытом женщины. Большинство из них осуждены незаконно, несправедливо — государству нужны не только даровые рабы, но и рабыни. Однако есть среди них и настоящие преступницы, женщины с искаженной психикой, опасные, агрессивные. В любую минуту может вспыхнуть конфликт. А реакция Наташи на несправедливость и насилие известна: любому насилию она даст отпор, а за обиженную вступится, даже если будет одна против всех. Еще — постоянный кагебистский надзор, благо лагерь ее находится так недалеко от Ленинграда. Холодные и равнодушные ко всему, даже к своей малопочетной работе, люди копаются постоянно в ее письмах, рисунках, стихах... В ее горячем, щедром, но таком беззащитном сердце! Будут искать, а как оно устроено? Где тот винтик, тот рычажок, ухватившись за который можно превратить живое сердце в ледяной комочек ужаса? И тогда человек в их руках...

Мы молимся о нашей подруге постоянно, просим Пресвятую Заступницу сохранить ее жизнь, ее здоровье, но более всего — ее душу, ее горячее сердце.

Март 1981 года, Западная Германия

«Ее подбить совсем нелегко...»

(Из письма французской подруги)

...Не благодарите меня больше "за визит в Ленинград" — я же ездила к своим друзьям.

Вы спрашиваете о Наталье Михайловне. Если вы хотите знать, как она выглядит, то посмотрите на маленькую фотографию, где она одна, с короткими волосами — это уже после лагеря.

Что же касается настроения, его, конечно, определить труднее. Первое, что поражает, это ее веселость, бодрость. Кажется, что она полна надежды, очень верит в будущее. В первый вечер, как я с ней познакомилась у Ш-ых, она до полуночи рассказывала нам о лагере, и все шутила, все заливалась смехом — немножко нервным — и в конце концов утверждала, что "надо все испытывать в жизни!". Чувствовалось, что ей именно очень было нужно так шутить и развеселить других (одной шуткой она могла бы и мертвых развеселить!), чтобы — мне так показалось — как-то найти убежище в собственной и чужой веселости. Я уверена, что Наталья Михайловна очень много пережила и переживает, но решительно отказывается отступать, поддаваться и всеми силами борется. Она волей преодолет трудности и добьется своего — Наталья Михайловна очень сильная женщина и ее подбить совсем не легко.

Она часто вас вспоминала. Она очень огорчена отъездом своих самых добрых друзей. Но сказав это, она твердо заявила, что никто и ничто не заставит ее уехать.

Когда она вдруг на минуту переставала "играть", она сразу отворачивалась и как будто уставлялась глазами и душой в какую-то глубокую, скрытую скорбь — но это длилось очень недолго — она вдруг морщилась и, собравшись с силами, отталкивала от себя набежавшую тень.

Она теперь решила писать и заниматься не знаю точно какими еще делами — но будьте уверены, что она не бездействует!

В последнюю минуту: 13 марта 1982 г. в 18.00 в своей квартире (Ленинград, 190 121, ул. Союза Печатников д. 17 кв. 86) Лазарева Наталья Михайловна была арестована. Ей предъявлено обвинение по статье 70 УК РСФСР („антисоветская агитация и пропаганда“). По этому делу в городе прошли четыре обыска: у самой арестованной, у члена клуба „Мария“ Г. Григорьевой, у В. Окулова и Д. Колесниченко. Среди изъятых материалов большую часть занимают материалы клуба „Мария“. Наталье Лазаревой угрожает заключение на срок до семи лет. Просим всех, кто может, способствовать по мере сил ее освобождению.

«А страха — нет»

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ САМИЗДАТСКОЙ

”АНТОЛОГИИ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ”

Ленинград, 1981 год.

Анна МАЛОНГА

+ + +

Он, видно, слишком маловат,
 мой страх. Боязнь — мне не наука.
 Стрела амурового лука —
 моя судьба. А страховать
 кому-то вряд ли удавалось
 такую ценность, как судьба.
 На удивление слаба
 боязнь во мне — ну просто жалость
 берет, как взвесишь скудный груз.
 В который раз настряпав ворох
 хлопот, не в ссорах и не в спорах
 ищу себя — здесь я боюсь.
 И, принимая отречение
 от истин быта, прочь бегу —
 попрыгвть босиком в снегу,
 или нырнуть поглубже в чтение,
 иль, выпив чаю — иль вина —,
 ночь проболтать, или продумать,
 иль прописать... И все же дунуть
 с рассветом на свечу... Без сна

проплакать на эрзац-диване
 матрасном, вспять от расставаний
 цепочку раскрутив до встречи...
 Народ толкует, время лечит.
 Пока же время в цифру ”шесть”
 уткнулось стрелкой. Можно сесть
 и покурить, по спинам встреч
 катнув мяч памяти... И лечь.
 А можно не ложиться вовсе:
 пересолить стихи слезами,
 иль, на худой конец, с вязаньем
 застыть, покуда цифра ”восемь”
 не съест конец короткой стрелки.
 Встать, полуртом полузевая,
 послушать, что кричат трамваи,
 и встретить новый день... Не мелки
 твои заботы обо мне,
 мой анонимный благодетель.
 Здоровы мы — и я, и дети.
 Одеты, сыты. А камней
 мы в огороде подобрали
 уже порядком, вдоль ограды
 их уложили. Впрочем, рады
 напоминанью о морали.
 Я без тебя могла б забыть,
 что надо набивать зобы,
 желудки и кишки — питаться,
 ходить, дышать. И, может статься,
 зубную пасту, щетку, мыло
 не применяла б по утрам.
 И наконец — финальный срам! —
 надеть бы юбку позабыла.
 Как ни крути, признать должна,
 что велики твои заботы.
 Нет ни прописки, ни работы.
 Живу, безмужняя жена,
 чужим куском, как Бог на душу
 положит — чуть не подаянием.
 И то сказать — позорю званье...

И среди общественной нулю
ранна. Иначе — нереальна,
фантом в системе социальной...
И вот — живу. Еще — люблю
своих детей и папу с мамой,
друзей, любовников, мужей,
все шесть привычных этажей —
да, этот дом, на этой самой
моей земле, где родилась,
где мне вложили душу в тело,
где я впервые захотела
дойти до знания... Вряд ли власть
такая есть, такая сила,
чтоб подкосила, замесила
и испекла меня для казни:
для страха стадного — боязни
остаться в черный день без хлеба
и из двухсот очередей
товар не вынести... Идей
при том достаточно. Хвалебно
поют захлеб. А отпоют
еще нескоро. Наш уют
из всех уютов — лучший в мире.
...Пора подумать о квартире.
Да, мне пора. Да, я в поре.
Ведь, если страх, то лишь в законе...
Дорога? Можно ли знакомей?..
...Уже помойка во дворе
под следствием у спецмашины:
семейство баков сокрушила,
повергла ниц, сложила в кузов,
взревевши гордо, скрылась с грузом.
Короче, наступил рассвет.
Короче, утро — с днем и бденем,
неподкрепленным сновиденем.
Усталость есть. А страха — нет.

14 марта, 1980, ночь.

МОИМ ДЕТЯМ

С рассветом покидаю свой алтарь.
Закончены ночные службы в храме.
Я — жрец полных бдений. Но — Агарь.
Но — адресат всех отправлений "к маме".
Перемолов губами прелесть спин,
перемолю глазами — и сначала:
губами, взглядом... Мой нежнейший спит,
июнь мой водяной, зверек курчавый.
Уверенности радостной в добре,
спокойным твоим снам, мой голубиный,
я есть основа. Пусть бы он сгорел,
да будет на клочки разорван миной
враг-лиходей, что выхаркнет: "Не мать!".
Секунду безответно то злодейство:
мне, в жизни не выдавшей автомат,
он явится — для цели и для действия.
Но наших чад отцы не уворуют.
Голубочка, расти себя и старь
меня. И в мир внеси дитя — вторую
красавицу. Как я тобой горда!
У серенькой меня — ты так пригожа,
зоря моя, зоряночка. Стада
мужчин нам ямы вытопчут в прихожей.
Венцы мои терновые, кресты
мучений материнских — боль и тяжесть.
Ты, голубок. Голубочка, и ты.
Но сладко бремя, что легло и ляжет
еще весомей на душу ко мне,
жрецу полных бдений. Мне дорога
сжигать себя дотла, дотла в огне
в высоком храме творчества — для Бога.

22-23 июля 1980, ночь.

+ + +

Опять поднимаюсь с постели.
Не утро уже и не день
еще. А чего б вы хотели?
Хотите, чтоб было не лень
блюсти каждодневно умытость
и лиц, и кастрюль, и полов,
обедов и ужинов сытость,
законы — оскомины слов,
и прочие ваши законы
как ежесекундный убой?
Под ваши портреты и троны
кидаться с хвалебной мольбой?
Хотите, чтоб ваши газеты,
и теле- и радиовизг
восторга: "Спасибо за лето,
за воздух!.." и напроць, и вдрызг
разбитые ваши спектакли,
поганую каждую роль,
прорехи, забитые паклей
гнилою да новой дырой,
все ваши болячки на теле,
все ваши болячки внутри —
любила? Того б вы хотели?
Люби! Полюби, хоть умри!
А сели не можешь — научим.
Не хочешь — тогда не пеняй...
Поможем, приручим, научим,
слегка пожурив: ай-ай-ай!..
К чему это — ручка, бумага?
И пишет чего-то невесть.
Ведь надо трудиться на благо,
нельзя не работать и есть.
И вправду еще — воспитают,
такие — и реки да вспять.
А я так пркрасно летаю
во сне. И так хочется спать.

8 июля 1980, ночь.

Нина САМОЙЛОВИЧ

+ + +

К рассвету мы придем на острова.
На западе зеленая полоска
вовсю цветет и, вылеплен из воска,
стоит восток у каменного рва.

Стоит восток у каменного рва,
подчеркивая города провалы,
в кольце картин у каменного вала
гнездится страх и множится молва.

Гнездится страх и множится молва.
На берегу, у мертвого острога
сужается и горбится дорога —
здесь много встреч, здесь выцвела трава.

Здесь много встреч, здесь выцвела трава.
Пора любви здесь кажется короче.
чем эта ночь, а нынешние ночи
короче сна, что помнится едва.

Короче сна, что помнится едва.
Кирпичных стен и рва светлее копоть,
поторопись, возьми меня под локоть,
к рассвету мы придем на острова.

+ + +

Ступай домой, на солнце ты не та.
Жди темноты, как ждут преображенья,
чтоб в сумерках осеннего броженья
сошли с лица последние года

Истек сентябрь, и мятной карамели
есть привкус злой той слабости и прели,
что в смерти есть. Безумна и робка
скользит зима над облаком вечерним,
там ночь длинней — здесь преданность ущербней,
там рвется нить — здесь падает рука.

Скользит зима все ближе и проворней,
вглядись тужа — губителен простор
для тех из нас, чей вымысел хитер,
любовь проста, а ненависть покорна.

Ступай домой, октябрь не торопя,
оцепенев, пугаясь пробужденья,
в колодцах сна, лишённые движенья,
бессильны все, познавшие себя.

+ + +

Уходя, уходи, что, увы, удастся не нам.

Я, конечно, вернусь, собирая по бусам мыслишки.
Остывающий пляж, то нахлынет, то схлынет волна,
заворкует в камнях и вздохнет о ночной передышке.

Полнолуния плуг, косеножка, небесный паук
Мал и светел его на волне волосок оголенный,
Солонеет песок, забирая то влагу, то звук
на морском берегу и улыбка сложилась соленой.

Мой теленок бежит и спешит превратиться в быка,
колокольчик звенит и пытается в голос проникнуть.
Если что-то легко, то, наверно, улыбка легка —
так сдувает ее, как она успекает возникнуть.

+ + +

Как описать уныние тех рыб,
что спят во льду с жучками водяными
у белых глаз, с травинками речными?
Но в зелени полупрозрачных глыб
не разглядеть жучков, травинок, рыб,
хоть глыбы и хранят лучи дневные.

Я в этом мире, кажется, хочу
в своей реке, от холода бледнея,
заледенеть, но я не леденею.
Так замолчать — я даже не молчу,
так умереть — не смерти я хочу
а спать в реке, похожей на аллею.

И видит Бог, никто не разглядит,
как сердце спит — оно как рыба спит.

+++

Одновременно горько и легко
с пустой душой на корабле военном
по жизни плыть, оставив далеко
тебя, себя теряя во вселенной.
Судьбы твоей едва приметен след,
как бы волос едва коснулась проседь.
В твоём саду, кого там только нет!
Нет никого и сад не плодоносит.

2.

Сулит фонарь, высвечивая тьму,
тому — любовь, тому — мороку блуда,
тому — печаль, тому — подобье чуда,
тому — покой, а счастья никому.
Упрячет ночь и церковь, и тюрьму,
и пастуха, и пастбище, и стадо,
и кладбища невзрачную ограду
в прозрачную огромную суму,
схоронит все, но другу моему
не принесет ни грусти, ни отрады,
ни отдыха — все это ни к чему.
Ему теперь в пустоцветенье сада
низабытья, ни памяти не надо,
и сада нет, все падает во тьму.

Как я обрела в России свободу

Биографический очерк

Когда-то я всего боялась. И жила, как все нормальные советские люди. Я торопилась на работу, боясь опоздать. Чтоб успеть вовремя, я будила своего двухгодичного сына в 6 часов утра. Полчаса, пока я его одевала, мы оба шатались. Он плакал и просил: "Мама, я хочу полезать немного!... (звук "Ж" он тогда не выговаривал). Поспать он уже и не мечтал.

Я плакала от жалости к нему и своего бессилия что-либо изменить. Потом мы неслись, каждый день рискуя задушить его в переполненном автобусе, на один конец города, в ясли. Потом я ехала на другой конец — на работу. По дороге я пыталась стоя поспать.

Работала я в секретном учреждении с очень строгим режимом: за опоздание на 1-2 минуты надо было писать длинные объяснительные записки. Уйти мы не могли раньше 5 часов вечера: в дверях стояла охрана. Зато целый восьмичасовой рабочий день мы изнывали от скуки, не зная, чем себя занять (таковы парадоксы нашей организации труда!).

Вечером я боялась не успеть купить в магазинах мясо или молоко (они рано кончались), не успеть чего-то еще, еще и еще.

И вот однажды я, взяв секретные тетради в 1-ом отделе, ушла в буфет на 10 минут, оставив их на столе. Это заметило начальство, и меня лишили допуска к секретным документам.

Тогда я еще думала о карьере радиоинженера, а она, по большому счету, возможна у нас только на секретных предприятиях. И мне все случившееся было очень неприятно.

Я уволилась, перешла работать на предприятие бытовой, менее сложной радиотехники.

Оно было ближе к дому, режим там был не так суров, и вдруг, совсем неожиданно, я почувствовала себя менее несчастной.

Прошло еще три года, и сыну пора было идти в школу. Я работала все же 8 часов — и еще 2 часа уходило на дорогу. Где же будет находиться совсем еще маленький сын после прихода из школы? Я долго ломала над этим голову, а потом решила,

что нужно вообще пожертвовать своей профессией.

И как то неожиданно перестала бояться потерять работу, непрерывный стаж, записи в трудовой книжке — то есть все то, что так боясь потерять все нормальные советские люди.

И уже не боялась перестать быть профессиональным инженером, стать никем в глазах официального общества. Я стала работать не по профессии, 4 раза в неделю, получать в два раза меньше и неожиданно... почувствовала себя почти счастливой. В то время я начала писать. Писала рассказы, эссе, пьесы, статьи. И этот мой личный мир полностью заменил мне все. Я перестала замечать очереди в магазинах, мат в автобусе, ругань соседей по коммунальной квартире. У меня появилась масса свободного времени, я гуляла по Петербургу (наконец-то я перестала ощущать его как что-то проносщееся за окном автобуса утром и вечером). Я медленно вдыхала его воздух на улицах, задерживалась на площадях, в садиках и скверах, садилась на скамейку и писала, писала... (Я обычно пишу на улицах, а не дома). А деньги... но это не самое важное. Ведь можно прожить и на хлебе, а он у нас очень дешев. А сыну на молоко, творог, яйца хватало.

Тогда у меня появились и настоящие близкие друзья. Такие же литературные изгои, как и я. Никто из нас даже и не пытался печататься в официальной печати, понимая, что это невозможно. Собирались узким кругом, читали друг другу, обсуждали, помогали друг другу чем могли.

Эта дружба у нас тянулась годами, эти друзья проводили меня и в аэропорт, когда я вылетала в Вену.

Уже с 72-ого года у меня начались конфликты с КГБ. Я прочла в своем кругу новую свою повесть "Записки эгоиста", и через 2 дня ко мне пришли из районного КГБ, выволокли из шкафов часть моих записей, черновики рукописей. Взяли все это, прихватили и меня, отвезли в районный комитет ГБ и начали допрашивать.

В первый раз я очень испугалась, не знала, как себя вести, что за люди передо мной. С годами пришли знание, опыт. Я многое поняла и тут.

Служаки, абсолютно несвободные. Они более несвободны, чем самый мелкий рядовой служащий в нашей огромной запуганной стране. Им нужно действовать очень осторожно: а вдруг что то не так? Как же тогда очередное повышение в чине? А оче-

редная премия? А что скажет начальство?

Вызывали меня часто, особенно в последние 2 года, в среднем 3 — 4 раза в год. Я шла на допрос, как на очередную большую игру. Передо мной сидит противник. Если он проигрывает, он остается при своих погонах, без повышения. Если проигрываю и — теряю свободу. Но у меня было одно преимущество. Они несли свою игру по методике — у них всегда лежал на столе вопросник (когда я однажды сказала: "Ну, скорее смотрите следующий вопрос, у меня мало времени", они попросту стали задавать вопросы), а я эту игру всегда импровизировала. Я люблю театр, пишу пьесы, но мне нигде эти пьесы ставить. А тут живи сцена, спектакль из двух актеров. И в этом спектакле я старалась быть единственным автором, чтобы мой противник мне только подыгрывал,

Они не любили меня допрашивать — говорили, что я человек непредсказуемый.

Стереотип допроса: следователь начинал так: "Сейчас только от вас зависит, выйдете ли вы отсюда или останетесь". Психологический прием.

На что я раньше отвечала: "Вы же знаете, я этого не боюсь." Стереотип ответа: "Да, знаем, за что мы вас и уважаем." — здесь у меня выигрывали первый ход.

Но потом мне этот вопрос надоел и, чтобы сразу вести бой по-крупному, я говорила первая: "Что же вы мне не скажете, что от меня зависит, куда я пойду, в тюрьму или домой?"

Если следователь до сих пор меня не знал, то он был сразу же озадачен (здесь выиграна ладья противника), и дальше допрос уже "вела" я. Если же следователь знал меня, он обычно смелел, если у него сохранилось чувство юмора, или элился, если его уже не было. Но и в первом, и во втором случае стереотип был нарушен, я навязывала им правила театра имприманти, и тут я ориентировалась гораздо лучше, чем они. Для них это было работой, для меня — игрой, в которую я играла часто не без удовольствия.

Правда, я могла и не выйти. Свобода...

Постепенно я приучила себя к мысли, что не страшно потерять и свободу, важно сохранить душу. Ино угрожать посадкой мне начали с ноября 1979 года, когда вышел альманах "Женщина и Россия". В конце ноября за мной приехали из КГБ и отвезли на Литейный. Майор Егерев вел допрос. Здесь он сразу сделал круп-

ную ошибку: угрожая посадкой, он заговорил о моем сыне, о котором и должна подумать, как мать. Тогда я спросила, есть ли дети у него — дальше говорила не я, говорил он. Он говорил о своей дочери, а я только направляла разговор. Из этого допроса потом вышел рассказ "Перед закрытой дверью" (Журнал "Эхо", 1980 год). После того, как в КГБ его прочли, они категорически отказывались вести со мной разговоры на личные темы.

Эти разговоры ведутся для того, чтобы усыпить бдительность противника, расположить его к себе, чтоб потом нанести неожиданный резкий удар в самое слабое место.

Второй крупный допрос велся после обыска 29 февраля 1980 года. 27 февраля на загородной квартире Тани Горичевой Юлия Вознесенская, Таня и я сделали макет первого номера журнала "Мария" (в тот же день было найдено и название для этого журнала). Нас выследили.

Утром в 8 часов начался обыск у меня, в 13 часов — у Юли. Меня отвезли на допрос. Тут мне сказали, что по результатам обыска будет решено, выйду я или нет.

Бумаги, взятые при обыске рассматривались где-то до 16 часов. Несколько часов я ждала вызова на продолжение допроса, думала, выйду я или нет. И только тут первый раз в жизни я окончательно поняла, что стала совершенно свободной — я не боялась потерять даже свободу! Это я-то, которая когда-то больше всего на свете боялась опоздать на 2 минуты и получить выговор от начальства! Эти 3 часа, проведенные взаперти в следственной комнате КГБ, стали самыми счастливыми часами этого, столь богатого событиями 1980 года.

ФОТОХРОНИКА КЛУБА "МАРИЯ"

Наталья Лазарева с тортом из клуба "Актеров" в Ленинградском театре имени Маяковского, 1980 год.

Наталья Лазарева после освобождения из лагеря. Набережная Фонтанки, Ленинград.

Редколлегия журнала "Мария" в 1981 году. Слева направо: Ирина Жосан, Татьяна Беляева, Елена Шаныгина и гостя из зап. Германии Барбара Шмидт.

Галина Григорьева с сыном.

Татьяну Горичеву и Софию Соколову представляют мате Наслу Поашну II

Юлия Вознесенская и афганский политический беженец за работой над разделом "Земля в огне" для "Марии".

Наш быт, наши нравы...

Раздел ведет Илона Вольфсон.

НОВЫЙ СОВЕТСКИЙ ОБРЯД

Как справедливо пишут советские газетя, в наш быт прочто входят новые обряды. Уже давно стало доброй советской традицией, что жених и невеста после подачи заявления в ЗАГС получают талоны на покупку одежды, обуви, белья и стремглав бегут в специализированный магазин, куда небрачующимся смртенным доступ закрыт. Приобретение золотых обручальных колец также превратилось в дополнительный обряд и даже занимает куда больше времени и обставляется значительнее, чем обмен этими самыми кольцами при бракосочетании.

Но в Ворошиловграде пошли дальше по пути развития новых советских традиций. Теперь жених и невеста, получив специальное письмо и ЗАГСа и приложив к нему список приглашенных гостей, направляются в горисполком. Там специально выделенный работник подсчитает, сколько на данную свадьбу приходится колбасы, сыра, масла — нормы потребления закусок на одного свадебного гостя заботливо установлены заранее. На один из центральных продовольственных складов города (В магазинах давно нет ничего и на складе) счастливые жених и невеста отправляются за покупками в сопровождении служащего горисполкома, имея при себе бумаги с гербовыми печатями. Горько!

НОМЕНКЛАТУРНАЯ НАИВНОСТЬ

Дочь Косыгина, жена заместителя председателя Комитета по науке и технике Гвишиани, заведует Библиотекой иностранной литературы в Москве. Вступив на должность, она поначалу решила все бумаги просматривать и подписывать собственноручно. Пришла сотрудница с бумагой на покупку пальто в кредит.

Что это такое?

Кредит. Чтобы за пальто платить не сразу, а каждый месяц понемногу.

Нуужели у вас нет денег заплатить за пальто сразу? Сколько оно стоит?

— Двести пятьдесят рублей.

— А сколько вы получаете?

— Сто десять.

— Всего?!..

В другом разговоре кремлевская дочь вдруг спросила:

— Как это — "деньги за проезд в метро". У нас разве в метро деньги платят?

НОМЕНКЛАТУРНАЯ ПРОСТОТА

Водитель такси в Москве рассказывает. Сел к нему в машину дама из начальствующих, объединив несколько распределителей и рассуждает вслух:

— Черную икру сегодня брать не буду, у нас еще есть с килограмм...

Водитель попросил:

— Вы не могли бы взять немного икры для меня? и заплачу полную стоимость. У меня ребенок очень болен, врач рекомендовал икру, а где ее купишь?..

— Вам? Но вам же не положено!

Со злости шофер остановил машину и выгнал даму.

"ТАК ПОСТУПИЛ БЫ КАЖДЫЙ..."

Женщина живет в США, прекрасно устроена, имеет хорошую работу по специальности. Пишет в Киев возмущенное письмо:

"Вы подумайте, в газете только что прочла: грабители вошли в банк, все служащие подняли руки, сами помогли нагрузить им сумки деньгами и золотом. Ни один не дал сигнала, не сказал ни слова! У нас такого не могло быть никогда. Я с гордостью вспоминаю геройский поступок женщины-кассира, о которой писала киевская газета. Она не испугалась револьвера грабителей, упала на деньги, закрыла их собой. Она погибла, но две тысячи рублей грабители так и не получили!"

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ ПРИ РАЗВИТОМ СОЦИАЛИЗМЕ

Смольный. Съезд работников культуры Ленинградской области. Голос по радио:

Товарищи делегаты! Просим всех пройти в зал заседаний, перерыв окончен.... Товарищи делегаты! Просим всех пройти в зал заседаний — съезд продолжает свою работу!.. Товарищи делегаты! Настоятельно просим... Товарищи делегаты! Буфет закрывается и будет открыт только по окончании работы съезда!

Владимир ЯКУБОВ

Размышления над журналом «Мария»

К сожалению, мне не довелось прочесть сборник "Женщина и Россия" вследствие некоторых особенностей нашей жизни, но полагаю, что журнал "Мария" не менее интересен.

Мне сразу бросилось в глаза и показалось интересным — нет, не "женская тема", все-таки она меня не касается так непосредственно, а вот что: быт. Т.е. обычный уклад нашей жизни, часто совершенно невозможный, унижающий, выматывающий, но по привычности уже не кажущийся столь нелепым. Похоже, из самиздатских журналов ни один этой темы еще не касался, и это большое упущение. О чем обычно мы пишем? О высоких религиозных, философских проблемах, о литературе и живописи. Ну, еще об арестах, о лагерях и т.д. Но ведь это все касается меньшинства населения, пусть и "думающего меньшинства". Советская пропаганда поступает очень неглупо, вместо метафизических проблем "предъявляя" (более для экспорта) "преимущества" социализма: всеобщее среднее бесплатное образование, и высшее бесплатное, и медицинское обслуживание бесплатное, и еще много чего. Это позволяет "беспристрастному" западному интеллигенту, осуждая, конечно, репрессии, все-таки говорить о "преимуществах" социализма. Один прогрессивный идиот когда-то так и сказал, что, конечно, сталинские репрессии — это плохо, но все же самый плохой социализм лучше самого хорошего капитализма (Это было, правда, задолго до Кампучии). Противостоять этой лжи можно только одним — правдой. Правдой о нашей обыкновенной, повседневной жизни. О том, чего стоит, но что превращаются и как выглядят в реальности все эти "преимущества". Ведь главное — показать, к какой реальности относятся те или иные вроде бы хорошие вещи. Например, отсутствие безработицы, чем официальная пропаганда так хвастает.

Но с этой точки зрения наилучшее положение было у раба в рабовладельческом обществе, где тоже не было безработицы. Для раба всегда была работа. И раб был сыт. Более того, умному и сообразительному рабу хозяин мог дать специальность, образование — разумеется, бесплатно. Такой раб просто дороже стоил. А если раб мог угодить хозяину, то и дожил до старости, ему даже поручали надзор за другими рабами. Вообще, будущее раба было куда более известно и обеспечено, чем будущее современного человека в свободном обществе: то кризис, то война, то беспорядки. Тем не менее рабство как-то мало привлекает нас, несмотря на все его "социальные завоевания".

Итак, не забывая, конечно, о страждущих, плененных, об узниках совести, журнал "Мария" начал разговор о нашей обычной жизни, какой живут миллионы наших соотечественников, а не только "инакомыслящие". О том, какова эта жизнь и что она делает с нами. Не случайно именно женский журнал первый заговорил об этом. Ведь наш уродливый, бессмысленный быт ложится прежде всего и более всего на женские плечи. Женщины стоят в выматывающих очередях. В Москве, Ленинграде с продуктами еще относительно хорошо, а в других городах женщины с утра собираются в центральный универмаг (только туда!), чтобы дождаться, пока хоть что-то привезут, и стоят полдня за этим "что-то". А в иных городах и вовсе карточная система, и уже давно. Бесконечные магазины, очереди, все дефицит, все "доставать" — это отупляет, унижает, раздражает. Хуже того — человек начинает привыкать, более того — едва ли не находить удовольствие в вечной погоне за всем: это заполняет жизнь. Так перерождается человек, и уже не сознает, что живет недостойной человека жизнью. Вопреки ходячему мнению, мещанские, потребительские черты вечный недостаток развивает куда более, чем их избыток.

Да, по женщине наш быт бьет сильнее, чем по мужчине. Окружающее озлобление, хамство, ставшее едва ли не общим стилем у нас, пьянство, ругань везде — все это ранит женщину сильнее. И сильнее уродует.

Наиболее интересной мне с этой точки зрения показалась статья Т.Горичевой "Ведьмы в космосе". Статья полностью лишена женского самовосхваления, а полна тревоги: что с нами стало? Почему так часто именно в женщине, особенно "управляющей государством", появляются вовсе не женские черты:

злость, грубость, жестокость, твердолобая бескомпромиссность. Очень убедительно показано, как властвуют языческие законы "жухли" и нашей жизни, как женщина превращается из женщины в "ведьму". Увы, это реальность, и сам всегда больше боюсь администраторов — женщин, чем мужчин. Женщины, "правлящие государством", всегда более злобны, жестоки, вдобавок еще чаще всего совершенно некомпетентны, словом, взялись не за свое дело и оттого всегда на грани истерики: нервная система перегружена. Решить ничего не могут и потому все запрещают. И никого не обвиняю, я просто сожалею: женщина — "сосуд немощный" — поэтому-то все уродства жизни отражаются на ней сильнее.

Наша обычная жизнь — эта тема лучше всего, пожалуй, отражена в открытом письме М.Дэвидову Натальи Малаховской (журнал "Россиянка"). Интересны очерки Айи Лаувы, особенно об общежитиях: многие ли из нас представляют себе, как живут в общежитиях, годами, люди? Причем это — миллионы людей. Это уже не коммунальная квартира, а целый коммунальный дом, т.е. еще более страшное. Только едва ли стоит задавать вопрос западным профсоюзным боссам: а у вас это бывает? Они тут же скажут: да, бывает, и приведут еще более ужасные истории. И наша пропаганда приведет. Сейчас ведь так популярна и у западных, и у наших "интеллектуалов" — успокоительная теория "фифти-фифти": мол, и там, и здесь нет свободы, и там, и здесь есть бедные и богатые и т.д. Теория эта лжива, ибо называет одним и тем же словом разные вещи, — и не надо ее, даже невольно, поддерживать. Ужас нашей жизни не в ужасных историях, они где угодно возможны, ужас — в безвыходности быта, в полной зависимости от их настроения, злобы, мелочности, равнодушия. Повторяю — особенность нашей жизни именно в зависимости, в закрепощенности, а не в тех или иных качествах администраторов, которые тоже где угодно возможны. Ведь женщина, которую убил муж, могла бы жить, хоть и бедно, одна с ребенком, одного она не могла —

За фальшкратические высказывания авторов-мужчин редакция ответственности не несет! — Примечание редакции.

переехать на другую квартиру от мужа, охотившегося за нею и ребенком в течение почти года. Эта зависимость, закрепощенность превращает элементарные бытовые проблемы в неразрешимые, часто — в трагедии.

Айа Лаува также затрагивает вопрос, как женщина утрачивает человеческие чувства, только бы "сохранить мужа, семью". Вообще, хорошо, что журнал лишен гордыни, что падает общий, необходимый и для женщин и для мужчин вопрос: как мы дошли до жизни такой? Отсюда уже недалеко до христианского покаяния. Только у ног Христа и Марии, и Магдалины обретают успокоение, силу, находят самих себя. Женское страдание — произительнее, падение — глубже, слезы — обильнее, но и путь к Христу — ближе:

Но пройдут такие три суток,
И столкнут и такую пустоту,
Что за этот краткий промежуток
Я до воскресенья дорасту.

(Б.Пастернак, "Магдалина")

К сожалению, есть в журнале и другие ноты. То мы читаем, что женщина у нас более может выразить себя, чем мужчина (почему?), то, что в русской литературе нет мужских положительных образов (а как же Пьер Безухов, князь Мышкин?), то, что женское движение выгодно отличается отсутствием "вождизма". Пусть даже так, но так что же? Грех многообразен и проникает всюду, не в том, так в другом виде. Нет "вождизма", так есть другое: борьба самолюбий, мелкие обиды, закулисная война. А ведь такой дух в разные движения и кружки приносит чаще всего женщины (Прошу прощения!). Мы все грешны: разумеется, "вождизм" — действительно "мужской" грех. Вот и давайте каяться, а не превозноситься.

Кстати, о литературе. М.Геллер в своей статье о В.Шукшине ("В поисках воли", Вестник РКД №119) заметил, что женщина у Шукшина (если это жена, а не мать) чаще всего злая, мелочная, скупая, черствая, словом — ведьма. Едва ли это просто причуда покойного писателя. Это — тоже перерождение женщины, и это — наше время, раньше такого в русской литературе не было. Есть о чем тревожиться.

Хотелось бы, чтобы журнал избавился от легковесности некоторых материалов, где эмоции заменяют аргументы. Такова, например, дискуссия о марксизме. Во-первых, где же дискуссия,

если все дружно ругают марксизм? Во-вторых, марксизм — куда более тонкое и изощренное зло, чем представляют участники дискуссии; есть в ней некая эмоциональная легковесность. Очевидно, надо было от кого-то отмежеваться... Но все-таки такие темы требуют большей серьезности.

В заключение хотелось бы пожелать журналу больше "положительных" материалов. Нет, разумеется, не чтобы подсластить пилюлю, показать "другую сторону". Но женщина, по самой природе своего мышления, не любит абстракций, жаждет конкретного, зримого. Потому и страдает более мужчины в обществе, где абстрактный миф подчинил действительность. Но есть женщины, оставшиеся самими собой; известные и неизвестные, речной судьбы — вот их путь показать, об их жизни написать!

Кстати. Журнал — петербургский, и грех петербуржанкам забывать об Анне Андреевне Ахматовой, поэте огромном и неразгаданном. Конечно, эта тема не только для женского журнала, эта тема необъятна. Но тем интереснее. Ахматова, конечно, не "женский" поэт (да и есть ли такая поэзия?), но сама-то, при всей своей неукротимой, подчас жестокой силе — выразила себя не как женщина. Вот об этом бы написать.

И, коль скоро речь зашла о литературе, я закончу свои размышления, не знаю, насколько впопад, цитатами из поэта, стихи которого я уже приводил, и который чувствовал и умел выразить женскую участь, и боль, и любовь едва ли не лучше всех в русской литературе, без слезливости, сюсюканья или горделивого оптимизма, а напрямую, по-мужски:

И так как с малых детских лет

Я ранен женской долей,

И след поэта — только след

Ее путей, не боле...

Или еще, из автобиографического очерка:

"Из этого общения с нищими и странницами, по соседству с миром отверженных их историй и истерик на близких бульварах, и преждевременно рано на всю жизнь вынес пугающую до замиранья жалость к женщине и еще более нестерпимую жалость к родителям, которые умрут раньше меня и ради избавления которых от мук ада я должен совершить что-то неслыханно светлое, небывалое."

Из почты клуба «Мария»

...Я, действительно, с сочувствием слежу за деятельностью христианского направления возникшего на родине женского движения. Считаю важным, чтобы вы свою программу изъяснили в ее отличии от поверхностного западного феминизма и в содержании всех страданий русской женщины, так возвысивших ее духовное понимание. И очень полезным, конечно, считаю те активные разъяснения об истинном положении женщины в СССР, которые ваша группа предпринимает. Хотя при этом надо следить, чтоб не давать ненужных или вредных перекосов...

Хорошо, что вы ведете учет сидящих женщин и дай вам Бог помощи в облегчении их участи, но, думаю, вы и сами понимаете, что перспективы малы. "Права человека" возвещаются на Западе неустанно громко, но защиту их получают по весьма одностороннему отбору. Так, я во весь голос и не раз выступал об Огурцове, говорил и об О.Глебе — и все это гасло без последствий...

...Нет сомнения, что распространения вашего журнала и вообще всех сведений о положении советской женщины на западных языках — очень полезно для Запада. И внутри СССР такой журнал нужен. Но зная сужение всех каналов за последнее время — сомневаюсь, что вам удастся заметно его продвинуть в СССР. А для русской эмиграции он ничего не дает, все это всем известно.

Деятельницам вашего Фрауенферайна (Филиал "Марии" в ФРГ, во Франкфурте-на-Майне. — ред.) желаю успеха в свидетельстве перед Западом о том, как реально живет советская женщина — они этого не понимают, не хотят понять и долго не поймут...

А.Солженицын

...Коммунистический строй разорвет одну цветущую страну за другой, и это приводит людей в отчаянье. Но есть еще отчаянье людей в безбожном государстве. Нет надежды, нет веры, нет

любви — и от природы добрый человек становится подлецом, человеконенавистником или пьяницей. Может быть, Божья Матерь хочет помочь миру через русских женщин?

Пиа фон Пашен, Западная Германия

...Разрешите представиться, мы — ваши шведские переводчицы. Мы работаем над книгой о новом феминизме в СССР, и книга в основном будет состоять из переводов ваших статей, но мы надеемся и на интервью с вами.

Мы уже давно интересуемся ситуацией женщины в СССР. Там, особенно в Ленинграде и в Москве, мы подружались со многими женщинами. И мы удивлялись, что именно в СССР мы встретили женщин с чувством достоинства более сильным, чем у женщин на Западе. Все-таки мы знали, что ситуация женщин в СССР совсем не легкая.

Тот факт, что в СССР существует женское движение, произвел на нас сильное впечатление. В Москве мы постоянно спрашивали об этом, но единственное, что видели, была покорность и усталость...

Карин Линден и Карола Ханссон, Швеция

...Ваш журнал был для меня большим открытием. Вы раскрываете наконец давно замалчиваемую или приуменьшаемую правду о положении русской женщины и последствий марксистско-коммунистической системы, которая по сути своей скорее патриархальна, чем демократична. Было бы хорошо, если бы вы в своем журнале написали о книгах А.Рахмановой, эти книги широко распространялись на Западе. То же самое касательно вашего отношения к философии Владимира Соловьева. Я с нетерпением жду других ваших изданий. Феминизм касается не только женщин. На мой взгляд, это также свидетельствует о пробуждении женского начала в мужчине. В общем, вероятно, здесь идет речь о Новой Культуре, которая экологически будет более женственной, чем она есть сейчас. Это переход от цивилизации "взятия" к культуре "восприятия". И на мой взгляд, русское движение

играет в этом изменении значительную роль. Крестиком! Мы с вами! Совместная с вами работа создает Новую Культуру, без которой политические и социальные реформы были бы пустой бездной без дна.

Гюнтер Вард, Западная Германия

...В журнале много тем, по которым можно дискутировать, дающим импульс к таким дискуссиям. Особенно интересно меня расстановка акцентов в статьях, а также возможность проводить сравнения жизненных и профессиональных условий восточных и западных женщин. Я рада и по месту прочтению большое впечатление, что советские женщины живут за счет чужие своей жизни и делают это, несмотря на все трудности.

Тереза Веррен, Швеция

Предлагаю вам добавить 10-15 строчек, в которых, может быть, указать, что в принципе вы не собираетесь уничтожать всю мужскую часть человечества...

К.О., Западная Германия

...Думаю, что журнал "Мария" будет интересен для русских эмигрантов всех трех волн, живущих в настоящее время в Америке. Почему бы не публиковать в нем брачные объявления? Среди читательниц, очевидно, немало одиноких женщин, ищущих свое счастье в браке, семье, детях, заботах о ближнем.

Р.Рискович, США

Дорогие Христовы "Марии"!

Как это providенциально, что интервью из первого номера журнала "Мария" в "Новом русском слове" помещена рядом со статьей "Прекрасные вдохновительницы Вергилия", где описаны лица весталок "с выражением удивительной чистоты и

одухотворенности”, подобные Христовой Марии, сидищей у ног Его... Да, “Мария” права: портреты на обложке журнала “Советская женщина” имеют живоотно-самодопольные грубые лица. При социализме так уж ведется! Еще покойный (Царство ему небесное) Иван Лукьянович Солоневич заметил, что гигантские скульптуры мужчины с молотом и женщина с сериом выражением своих лиц и низкими лбами инкуминуют “первобытных коммунистов” — согласно советского “обществоведения”. Подобные же скульптуры питекантропов возникли и в нацистской Германии. Ублюдок, порожденный социализмом (или “государственный гермафродит”, замеченный “Марией”) куда-то прет на наше горе! Победа ублюдков рождена трусостью и неразумностью русских мужчин, которые не догадались подняться как один и истребить оружием или крысиным ядом носителей кровавой идеи социализма. Теперь этой неорганизованностью и робостью страдают все мужчины в мире...

Лидия Соломахо, США.

..Из газеты “Дойче Тагеспорт” я узнал, что вы основали женский клуб “Мария”. Меня особенно заинтересовало это название. Вы лучшего имени не могли бы найти. Желая вам и вашим целям в области гражданских и женских прав длительного успеха.

В связи с этими целями позволю себе разъяснить особую несправедливость, которая уже с самого начала индустриализации постигает женщин, которая публично, очевидно, еще не опознана и является причиной появления коммунизма и марксизма. Я признаюсь, что мне не хватило разума и сердца самому раньше заметить эту несправедливость. Однажды я спросил себя: не заслуживают ли матери вознаграждения, собственной заработной платы за воспитание детей и уход за ними? И я пришел, после некоторых размышлений, что установление такой зарплаты было бы очень хорошо и благородно, ибо какая работа важнее и драгоценнее воспитания детей и ухода за ними? Но я понял, что это сложно из-за больших финансовых сложностей. Но я задал себе вопрос: а не принесет ли такая зарплата большую пользу всей экономике? Я нашел столько позитивного, что эта мысль уже не выходит у меня из головы.

Эти соображения я начал обсуждать с друзьями, потом с другими людьми. Но одобрения я не встретил даже у христиан и ученых.

У профсоюзных деятелей можно было сначала заметить позитивную реакцию, но позже появились отклоняющие аргументы: нехорошо, мол, опять возвращать женщину к кастриации! Оплата материнского труда, очевидно, не в духе марксистской идеологии.

Несправедливость по отношению к матери и к семье вообще толкает многих женщин на аборт. Эти аборты прекратились бы сами собой, если бы удалось покончить с существующей несправедливостью. Если и ничего не предпримут против этой несправедливости, то я отнесу к себе слова Нового Завета: “Ему лучше повесить камень на шею и столкнуть в воду!”. Я знаю, что устранение этой несправедливости спасет многих обреченных не родиться детей.

Людвиг Бергман, экономист, Западная Германия.

К письму приложена статья о целесообразности для всего общества оплаты материнского труда.

Мы намерены ее опубликовать в журнале “Мария”, в одном из следующих номеров.

Содержание

СОЛИДАРНОСТЬ С "СОЛИДАРНОСТЬЮ"	
Письма о Польше	3
ЗЕМЛЯ В ОГНЕ	
Клуб "МАРИЯ" против оккупации Афганистана	11
"Братская помощь"	13
Апрельские демонстрации 1980 года в Кабуле	19
Положение женщины в Афганистане	21
Коммунистическое "освобождение" афганской женщины	23
Наши героини	27
А.ОКУЛОВ Кровь, о которой запрещено говорить	29
ЖЕНЩИНА И СЕМЬЯ (Материалы конференции клуба)	
Т.ГОРИЧЕВА – Антивселенная советской семьи	35
Н.МАЛАХОВСКАЯ – В ненасытной утробе	38
А.САРИБАН – Женщина и быт	44
НАША СЧАСТЛИВАЯ, СЧАСТЛИВАЯ, СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ	
Г.ГРИГОРЬЕВА – Валентина Рябинина	47
А.ЛАУВА – Harry end	51
С.БЕЛОВА – Письмо молодой матери	53
Т.БЕЛЯЕВА – Плачет Рахиль о детях своих	55
ЦЕРКОВЬ	
Прославление новых мучеников и исповедников российских	59
О Прославлении – из России	65
ЖЕНЩИНА И ГУЛАГ	
Три портрета Наталии Лазаревой	
Г.ГРИГОРЬЕВА – Биография. Творчество. Преследования.	69
Ю.ВОЗНЕСЕНСКАЯ – Сердце подруги	72
"Ее подбить совсем нелегко..."	76
ПОЭЗИЯ И ПРОЗА	
"А страха – нет.", из самиздатской Антологии женской поэзии	
А МАЛОНГА – стихотворения	78
Н.САМОЙЛОВИЧ – стихотворения	83
С.Соколова – Как я обрела в России свободу (очерк)	87

ФОТОХРОНИКА КЛУБА "МАРИЯ"

91

КАК ЭТО БЫЛО БЫ СМЕШНО...

Наш быт, наши нравы

94

ОТКЛИКИ И МНЕНИЯ

В.ЯКУБОВ – Размышления о журнале "Мария"

96

Из почты клуба "МАРИЯ"

101

«Вече» №3

К ПРОСЛАВЛЕНИЮ НОВОМУЧЕНИКОВ РОССИЙСКИХ

Послание митрополита Филарета всем верным чадам Русской Православной Церкви за границей по случаю приближения прославления новомучеников российских

Протопресвитер М. Польский. О правде Христовой

УЗНИКИ ГУЛАГА

Е. Вагин. Посвящается Юрию Галанскову

ПРОБЛЕМЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

Н. Вехин. Об интеллигенции и русском народе

Э. Оганесян. Государство для нации или нация для государства?

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ

А. Михайловский. Православная Россия ее затмение и воссияние

Акад. Д. С. Лихачев. „Заметки о русском“

Р. Плетнев. Об искушении Христа в пустыне и Достоевском

УМАЛЧИВАЕМОЕ И ЗАБЫТОЕ

Слово нации

С. Немчинов. Из этюдов по Механике революции

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ

О. Красовский. Несбывшиеся надежды

РУССКИЙ САМИЗДАТ

Юбилей А. Блока в Самиздате

Трибуна „Вечк“

В. Зарубин. Что делать?

Редактирует: Евгений Вагин и Олег Кривошеин

Издатель:

Российское Национальное Общество «Вече» в ФРГ 1001

Подписка на 4 номера 40 нм. Цена отдельного номера 12 нм. Заказы принимают только редакция «Вече»

НОВЫЕ КНИГИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ПОСЕВ»

Л. БОРОДИН: „Год чуда и печали“, 196 с.	20 нм
Г. ВЛАДИМОВ: „Три минуты молчания“, 408 с.	34 нм
А. ЛЕВИТИН-КРАСНОВ: „Родной простор“. Демократическое движение. Воспоминания, том 4, 496 с.	30 нм
С. ЛЕВИЦКИЙ: „Очерки по истории русской философской и общественной мысли. Том 2 (XX век), 232 с.	21 нм
Ф. НЕЗНАНСКИЙ и Э. ТОПОЛЬ: „Журналист для Брежнева или смертельные игры“. Русский детектив. 296 с.	24 нм
В. НЕКРАСОВ: „Сталинград“, 456 с.	42 нм
В. ТАРСИС: „Недалеко от Москвы“, 350 с.	28 нм

НОВЫЕ КНИГИ НА СКЛАДЕ «ПОСЕВА»

„ВЕЧЕ“. Русский независимый Альманах. №№ 1, 2, 3 200 с. в каждом номере	по 12 нм
В. БОГДАН: „Мимикрия в СССР“, 322 с.	30 нм
М. ЗАЛЕВСКИЙ: „Император Николай Павлович и его эпоха по воспоминаниям современников“, 216 с.	28 нм
Ю. ИОФЕ „Стихи и проза“, 112 с.	112 с. 18 нм
А. НИКОЛАЕВ: „Так это было“, 238 с.	30 нм

Каталог высылается бесплатно

POSSEV-VERLAG, Flurscheideweg 15,
D-6230 Frankfurt
Tel.: 611-341265

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Стоимость подписки на 4 номера:
в издательстве — 48 н. м.
через магазины — 60 н. м.

ПОСЕВ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Стоимость подписки на 12 номеров:
в издательстве — 72 н. м.
через посредников — 84 н. м.

«НАДЕЖДА»

Христианское чтение

За 3 выпуска при подписке:
непосредственно в издательстве — 60 н. м.
через представителей — 72 н. м.

СТОИМОСТЬ В РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ:
«ГРАНИ» — 15 н. м., «ПОСЕВ» — 7 н. м.
«НАДЕЖДА» — 24 н. м.

Подписную плату следует посылать:
почтовым переводом или чеком (в письме) по адресу

POSSEV VERLAG
D-6230 Frankfurt/Main 80, Flurscheideweg 15
или же банковским переводом на
Konto 2 412 755, Dresdner Bank, Frankfurt/Main
или на почтовый счет
Postscheckkonto 334 61 000, Frankfurt/Main